Л65
1066.

25/1220
155/1066

К. Ю. РУМША.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ ГЕРМАНСКОМЪ ПЛѢНУ И ГЕРОЙСКІЙ ПОБѢГЪ ИЗЪ ПЛѢНА.

ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

155/1066

25/1220

К. Ю. РУМША.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ ГЕРМАНСКОМЪ ПЛѢНУ И ГЕРОЙСКІЙ ПОБѢГЪ ИЗЪ ПЛѢНА.

1494/

Изданіе состоящаго подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА покровительствомъ ∞ СКОБЕЛЕВСКАГО КОМИТЕТА. ∞
∞∞∞ Петроградъ, Мытнинская у., № 27. ∞∞∞

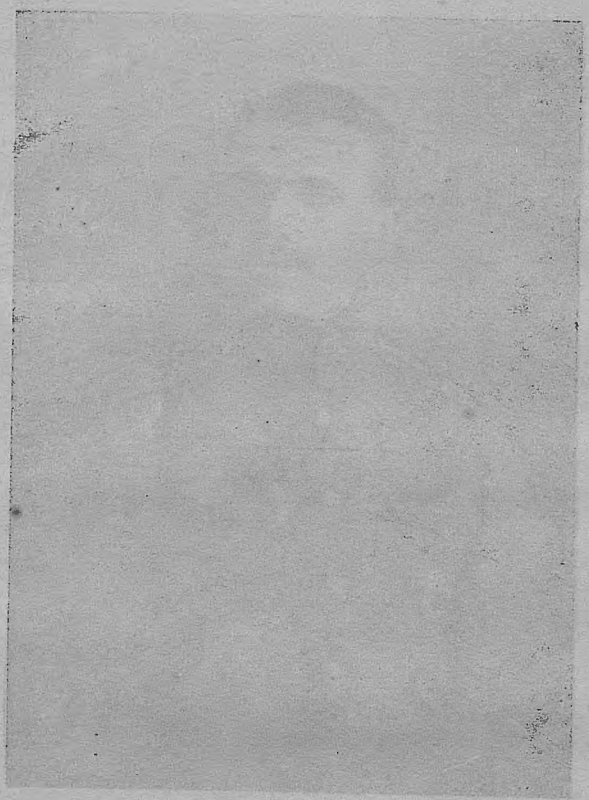
2-й экз

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ НИКОЛАЕВСКОЙ ВОЕННОЙ АКАДЕМІИ
ПЕТРОГРАДЪ, СУВОРОВСКІЙ ПРОСП., 32-Б.
1916.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
872520

Петроградъ, дозволено военной цензурой 5 февраля 1916 г.

Поручикъ К. Ю. Румша.



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Къ сожалѣнію, въ настоящее время, когда мои товарищи по побѣгу находятся еще во власти нѣмцевъ, нѣтъ возможности опубликовать многихъ интересныхъ фактовъ и подробностей той борьбы, которая шла между нами-плѣнными, и нѣмцами и привела къ моему освобожденію. Говорить приходится общими мѣстами, не называя именъ героевъ этой долгой и нѣмой борьбы, въ которой мы, плѣнные, все-таки побѣдили. Борьба здѣсь была иная, чѣмъ на фронтѣ и, само собою понятно далеко неравная. Главнымъ нашимъ оружіемъ въ плѣну были: хитрость, выдержка, изобрѣтательность и желаніе провести врага. Имена тѣхъ героевъ, которые за свою смѣлость уже поплатились тюрьмою и извѣстны нѣмцамъ, могутъ быть названы. За первый побѣгъ до сихъ поръ (съ января 1915 года) томятся въ тюрьмѣ: капитанъ Семеновъ, подпоручикъ Лукіенко, Мольво, прапорщикъ Сахаровъ, Дульце, Калачевъ.

Второй подкопъ всецѣло обязанъ своимъ счастливымъ окончаніемъ: полковнику Венецкому, подпоручику Горбатюку, подпоручику Колянковскому, подпоручику „Пану“.

Кромѣ того бѣжали, но захвачены погонею: подполковникъ Бонарь, капитанъ Шуманъ.

I.

Плѣненіе.

Послѣ первыхъ побѣдоносныхъ боевъ въ началѣ августа прошлаго года, нами были взяты сотни плѣнныхъ германцевъ; это были первые плѣнные за настоящую войну. Мы отнеслись къ нимъ въ высшей степени внимательно и любезно; нѣмецкимъ офицерамъ пожали руки, сказали слово утѣшенія, и послѣ боя первыми были накормлены плѣнные—германцы, а не свои. Нѣмецкіе офицеры спрашивали насъ о житьѣ въ Сибири, высказывали свое мнѣніе, что это страна юртъ-шалашей и бѣлыхъ медвѣдей. Мы ихъ утѣшили, сказали, что житься имъ тамъ будетъ вольготнѣе, чѣмъ въ родномъ фатерландѣ.

У кого была разорвана одежда, или жаловались на холодъ, тѣмъ была выдана наша солдатская одежда изъ обоза. Раненые были отдѣлены отъ здоровыхъ и первые пользовались особымъ вниманіемъ нашихъ солдатъ. Всѣ были размѣщены по хатамъ, ни одинъ раненый не принуждался идти пѣшкомъ, а всѣ они наравнѣ съ нашими солдатами были посажены на подводы. Насколько нѣмецкіе офицеры имѣли превратное понятіе о русскихъ, показываетъ слѣдующій случай: съ бою нами взята нѣмецкая деревня. Въ халупахъ помѣщены захваченные плѣнные. Вхожу я въ одну изъ нихъ.

Комната заполнена нѣмецкими солдатами въ полномъ вооруженіи; въ кроватяхъ лежатъ раненые офицеры. Я дѣлаю выговоръ нашему унтеръ-офицеру, что онъ даже не разоружилъ нѣмцевъ,—въ это время раненый нѣмецкій офицеръ протягиваетъ изъ-подъ одѣяла руку и, указывая на обручальное кольцо, бормочетъ по нѣмецки: „Жена, дѣти, пощадите!“

— „Васъ обидѣли. Кто?“—спрашиваю я.

— „Никто меня не обижалъ, но не убивайте, пощадите“.

Я подумалъ, что это бредъ больного, но здоровые мнѣ объяснили, что при объявленіи войны имъ было сказано начальствомъ, чтобы никто живымъ въ плѣнъ не сдавался, потому что русскіе плѣнныхъ мучаютъ и убиваютъ. Я ихъ успокоилъ, приказалъ своимъ накормить ихъ; офицеру самъ принесъ курицу, чай, печеніе. Это подѣйствовало на плѣнныхъ лучше всякихъ словъ. Офицеръ радовался, какъ ребенокъ, что онъ уцѣлѣлъ въ бою, что со временемъ онъ увидитъ жену и дѣтей и все время лепеталъ: „я не зналъ русскихъ, я не зналъ русскихъ“. Нѣмецкіе врачи и сестры милосердія не были лишены свободы, а имъ предоставлено было ухаживать за своими ранеными.

Послѣ первой побѣды нашъ корпусъ продолжалъ свое побѣдоносное наступленіе на Восточную Пруссію. Опять побѣда; плѣнные—генералы и офицеры, взяты орудія и пулеметы, но по общему ходу операціи мы оказались окруженными; нашъ жизненный нервъ—тылъ разбитъ, обозы погибли, подвоза патроновъ нѣтъ.

Два съ половиною дня кипитъ еще неравная борьба. Предстоитъ неминуемая гибель. Лѣсъ, гдѣ я нахожусь, подожженъ противникомъ. Огонь приближается все ближе и ближе. Превозмогая страшную усталость отъ потери крови, я рѣшилъ проползти ночью линію окруженія. Со мною пошли 2 солдатика. За ночь уда-

лось проползти линію окруженія, но къ несчастью утро застало насъ среди расположенія противника. Спрятались въ рощѣ; кругомъ ходятъ нѣмецкіе солдаты, быстрымъ маршемъ идетъ разъѣздъ въ 12 коней нѣмецкихъ гвардейскихъ кирасиръ. Идетъ прямо на насъ. Вотъ уже насъ раздѣляетъ только 20 шаговъ.

Одинъ солдатъ не выдерживаетъ и бросается въ сторону, чтобы не наступила лошадь. Это насъ губитъ. Разъѣздъ насторожился, пики наперевѣсъ и бросается на одного. Начинается дикая сцена... Предсмертный ужасъ отражается на его лицѣ и нечеловѣческій крикъ оглашаетъ воздухъ. Я не выдерживаю этой сцены и бросаюсь на помощь, крича по-нѣмецки: „Стой, не убивайте, онъ безоруженъ, онъ одинъ“, но получаю ударъ пикою плашмя и теряю сознаніе.

Оказывается, что нѣмецкій языкъ все-таки насъ спасъ: нѣмцы приняли меня за курляндца и послѣ удара пикою по раненому (они видѣли, что мое правое плечо забинтовано марлею), обошлись съ нами отмѣнно вѣжливо. Долго совѣщались, куда насъ дѣвать. Разъѣздъ, видно, былъ посланъ на развѣдку и затруднялся, что дѣлать съ нами. Въ это время показалась нѣмецкая пѣхота и насъ сдали пѣхотинцамъ. Тутъ начались наши страданія, и нѣмецкій языкъ уже не помогалъ. Прежде всего съ насъ были сняты погоны, кокарды, значки. Обшарили карманы, и кошелекъ объявили военною добычею. Снаряженіе было обрѣзано тесаками. Я вѣжливо просилъ оставить мнѣ, какъ память, мою офицерскую сумку, она была пробита тремя пулями и спасла мнѣ жизнь; въ отвѣтъ на мою просьбу нѣмецкій фельдфебель съ руганью рванулъ ее изъ рукъ, и сумка отлетѣла отъ меня на 20 шаговъ.

Плѣнные, приведенные въ д. Мушакенъ во время боя, были выстроены впереди нѣмецкой батареи; то же самое было сдѣлано съ нашимъ лазаретомъ съ ране-

ными; онъ былъ выставленъ впереди нѣмецкой батареи, ночью приказали зажечь красные фонари съ крестомъ (знаки краснаго креста) и сказали, что если наши откроютъ огонь по батареѣ, то раньше всего будутъ разстрѣляны всѣ наши раненые и, такимъ образомъ, подъ постоянною угрозою разстрѣла продержали ихъ день и ночь. Случайно наши не обстрѣливали этого мѣста, и плѣнные уцѣлѣли.

Другую партію плѣнныхъ привели въ ту же деревню, ввели въ лютеранскую церковь. Органъ въ церкви игралъ побѣдоносный гимнъ, плѣннымъ объявили, что ихъ привели въ церковь для того, чтобы они въ послѣдній разъ могли помолиться, такъ какъ ихъ сейчасъ разстрѣляютъ.

Органъ въ это время заигралъ похоронный маршъ, нѣкоторые падали на колѣни и горячо молились, такъ какъ были увѣрены, что пришелъ послѣдній часъ. Другіе же, сложивъ руки на груди, со стиснутыми губами стояли молча передъ алтаремъ, какъ бы призывая Всевышняго быть свидѣтелемъ этой пытки.

Плѣнныхъ выводятъ изъ церкви, подводятъ къ нѣмецкимъ стрѣлковымъ цѣпямъ; имъ приказываютъ ложиться; на нихъ наведены нѣмецкіе пулеметы. Кругомъ кипитъ бой. Проходятъ томительныя минуты. У нѣкоторыхъ нервы, утомленные огромнымъ напряженіемъ въ теченіе восьмидневнаго непрерывнаго боя, не выдерживаютъ: слышатся рыданія. Стукъ сердца въ груди заглушаетъ шумъ боя. Опять отдается приказаніе,—лечь лицомъ къ землѣ и... если наши будутъ наступать, то по плѣннымъ откроютъ огонь. Но наши, не имѣя патроновъ, далеко не доходятъ до нѣмцевъ. Плѣнныхъ опять уводятъ въ церковь. Опять торжественный гимнъ органа, смѣняемый похоронным маршемъ. Плѣннымъ сообщаютъ, что дали еще разъ воз-

можность помолиться. Это была нравственная пытка, сильнѣе всякой физической.

Знакъ краснаго креста на госпиталяхъ и лазаретахъ не охранялъ отъ разстрѣла ихъ нѣмцами: многіе раненые въ госпиталяхъ были убиты или вторично ранены. Нѣмцы, видно, были твердо убѣждены въ нашемъ соблюденіи международныхъ законовъ, потому что, разстрѣлявъ лазаретъ, линейки съ ранеными выставляли впереди своихъ батарей, чтобы знаки краснаго креста служили имъ прикрытіемъ противъ нашего огня.

15-го августа у гор. Гогенштейна къ плѣннымъ подъѣхалъ нѣмецкій офицеръ, приказалъ выстроить плѣнныхъ въ одну шеренгу, обнажить головы; объѣзжалъ на конѣ фронтъ и каждаго билъ стэкомъ по непокрытой головѣ, приговаривая на ломанномъ русскомъ языкѣ: „Вы, русскіе свиньи, вздумали воевать съ нами, вотъ вамъ“! Билъ, пока не изломался стэкъ.

Дальнѣйшую экзекуцію передалъ своимъ солдатамъ, которые нѣсколькихъ плѣнныхъ приkололи штыками. Около того же города нѣмецкіе солдаты съ особымъ удовольствіемъ водили нашихъ плѣнныхъ смотрѣть, какъ тяжело раненыхъ нашихъ солдатъ грызутъ голодныя нѣмецкія свиньи и при этомъ объяснили, что лучшей участи русскія не достойны. Наши врачи и санитары были выгнаны съ перевязочныхъ пунктовъ и уведены въ плѣнъ, какъ это было у г. Нейденбурга, д.д. Мушакено, Заддека, Рейтковена и др. На одной изъ станцій желѣзной дороги къ нашему священнику подошелъ нѣмецкій жандармъ, сорвалъ съ груди крестъ, и растопталъ его ногами. Когда священникъ запротестовалъ, то избилъ батюшку. У раненаго гвардейскаго офицера жандармъ выхватилъ костыль и ударилъ имъ нѣсколько разъ по раненой ногѣ. Эта расправа со священникомъ и раненымъ офицеромъ не

понравилась самимъ нѣмцамъ и было назначено разслѣдованіе. Чѣмъ окончилось это разслѣдованіе, — не знаю. Примѣровъ безсмысленной жестокости было много, на нихъ не буду дольше останавливаться. Я хочу только обратить вниманіе на то, что это было въ августѣ 1914 года, т. е. въ началѣ войны, во время первыхъ нашихъ встрѣчъ съ нѣмцами, послѣ нашего товарищескаго обращенія съ нѣмецкими плѣнными.

Да, мы тогда еще не вѣдали, что такое нѣмцы.

II.

Въ пути.

Раненые плѣнные, наравнѣ со здоровыми, должны были идти пѣшкомъ. Кто не могъ идти, того несли товарищи: оставлять боялись, чтобы ихъ не прикончили. Особою жестокостью въ этомъ отношеніи выдѣлились нѣмецкіе крестьяне, которые, вооруженные нашими винтовками, добивали раненыхъ.

Отъ потери крови и отсутствія пищи я настолько ослабѣлъ, что идти самъ не могъ; меня вели подъ руки солдатики. На плѣнныхъ, какъ нижнихъ чиновъ, такъ и офицеровъ, нѣмецкіе солдаты навѣшивали свои ранцы. Несли; отказываться не смѣли. Каждый протестъ заканчивался избіеніемъ на глазахъ нѣмецкихъ офицеровъ.

Мнѣ почему-то тогда ясно вспомнилась исторія войнъ Цезаря, и я себя почувствовалъ такимъ же рабомъ, какъ плѣнные во времена древняго Рима. Vae Victis!..

Нѣсколько нашихъ солдатиковъ, которые тащили на себѣ тяжелые нѣмецкіе ранцы, ухитрились потихоньку бросить ихъ въ кусты. Когда пришли на но-

члегъ, нѣмецкіе солдаты начали разыскивать свои ранцы. Ранцевъ не оказалось; плѣнныхъ много, кому дали тащить ранцы—узнать не могли.

Нѣмцы рвали и метали, первыхъ попавшихъ подъ руку угостили прикладами, но такъ и остались безъ ранцевъ. На день были умнѣе, и плѣнныхъ, несущихъ ранцы, не выпускали изъ вида.

Ночь, послѣ перваго перехода въ плѣну, провели на мокромъ лугу, окруженные часовыми. Ночь осенняя, холодная. Какъ овцы, жались мы другъ къ другу и такимъ образомъ старались, насколько это было возможно, согрѣться. Пищи никакой. Полный отказъ въ водѣ. Когда на дорогѣ, во время перехода, встрѣчали грязныя лужи, то толпою набрасывались на нихъ, но пить даже изъ лужъ не разрѣшали и разгоняли прикладами.

Идти на слѣдующій день было еще труднѣе; члены за ночь остыли, раны, перевязанныя собственною рубашкою, жгли, губы потрескались; во рту до того пересохло, что трудно было произнести слово; но жить еще хотѣлось и, слѣдовательно, надо было идти. 18-го августа сдѣлали остановку въ нѣмецкомъ селѣ Евдабно. Когда насъ остановили, я стоялъ противъ колодца. Къ колодцу направились нѣмецкіе солдаты; подошелъ и я; моя правая рука и грудь перевязаны. У колодца стоятъ женщины и подростки. Я вѣжливо по-нѣмецки прошу дать мнѣ напиться; мнѣ ничего не отвѣтили; кружку, мимо меня, передали нѣмецкимъ солдатамъ; потомъ въ ведрахъ понесли лошадямъ. Я терпѣливо ждалъ. Наконецъ, вѣжливо повторилъ вопросъ и обратилъ вниманіе, что я раненъ. Когда, наконецъ, мальчишка лѣтъ 7-ми зачерпнулъ воды и подалъ ее мнѣ со словами: „На, пейте, мы—нѣмцы имѣемъ состраданіе къ несчастнымъ, не то, что вы русскіе—варвары“, кружка чуть не выпала у меня изъ рукъ, выпитая

вода стала въ горлѣ и превратилась въ желчь. Съ сдавленнымъ сердцемъ я отошелъ отъ колодца. Нѣмецкіе солдаты въ нашемъ присутствіи занялись среди населенія пропагандою противъ насъ. Изображали насъ въ видѣ дикихъ варваровъ, которые убиваютъ женщинъ и дѣтей. Населеніе, относившееся къ намъ довольно равнодушно, постепенно наэликтризировалось и по нашему адресу посыпались угрозы, комки грязи и брань.

Въ тотъ же день насъ привели на желѣзно-дорожную станцію Пассенгеймъ, которую еще вчера занимали наши части. Городъ и станція были цѣлы и на ней уже стояли поѣзда. Здѣсь намъ сказали, что среди плѣнныхъ мы можемъ отыскать своихъ денщиковъ, которые поѣдутъ съ нами. Денщикамъ мы можемъ оставить пальто и плащи, такъ какъ день жаркій, а намъ предстояло идти въ гор. Пассенгеймъ за 4 версты, на смотръ нѣмецкому генералу. Мы взяли себѣ денщиковъ, передали имъ пальто; ихъ увели отъ насъ, и мы больше ихъ не видѣли вмѣстѣ съ нашими пальто.

Насъ повели въ гор. Пассенгеймъ; недоходя до города насъ остановили, выстроили, и къ намъ подъѣхалъ командиръ 1-го германскаго корпуса генералъ Франсуа (François), державъ рѣчь, которая сводилась къ тому, что мы пришли сюда врагами, а онъ встрѣчаетъ насъ, какъ друзей. Послѣ рѣчи насъ перестроили по четыре, генералъ Франсуа на конѣ, окруженный своимъ штабомъ, сталъ во главѣ и устроилъ тріумфальное шествіе въ гор. Пассенгеймъ. Съ большою помпою онъ провелъ насъ по улицамъ города для показа публикѣ. Толпа дико орала, пѣла Wacht am Rhein и, казалось, готова была броситься на насъ и растерзать. Привели насъ въ какое-то зданіе, заполнили нами нѣсколько комнатъ и продержали до 11 часовъ вечера. Толпа на дворѣ все время бушевала. Пришелъ нѣмецкій офицеръ, занимающій должность казначея, и предло-

жилъ,—кто хочетъ размѣнять русскіе деньги на нѣмецкіе по курсу 1 марка 60 пфен. за 1 рубль. У кого уцѣлѣли деньги послѣ обыска, тѣ размѣняли. На слѣдующее утро на станціи желѣзной дороги мѣняли по курсу: 1 марка 90 пфен. за 1 рубль. Куда дѣвалъ офицеръ-казначей разницу въ курсѣ рубля—неизвѣстно. Кстати, офицеръ этотъ довольно бѣгло говорилъ по-русски. Одинъ изъ нашихъ генераловъ сопровождавшему его нѣмецкому офицеру далъ размѣнять 25 рублей, офицеръ ушелъ и больше не возвращался.

Въ 11 час. вечера повели насъ на желѣзн.-дорожн. станц. Пассенгеймъ для посадки въ вагоны.

На станціи, на каменной мостовой окружили насъ часовыми и продержали въ такомъ положеніи до утра. Мы жались другъ къ другу и продрожали отъ холода всю ночь; вспоминали свои шинели, которыя вмѣстѣ съ денщиками куда-то исчезли. Перевязки раненымъ—никакой; съ нами были наши врачи, но перевязочныя средства отобраны. Утромъ подали поѣздъ состоявшій изъ 2-хъ вагоновъ II класса, 2-хъ вагоновъ III класса и около 22-хъ вагоновъ товарныхъ. Товарные вагоны не приспособлены для перевозки людей, грязныя послѣ перевозки каменнаго угля и скота. Подстилки никакой. Въ товарный вагонъ загоняли по 30—35 человѣкъ раненыхъ и здоровыхъ. Двери вагоновъ заперли на ключъ. Пищи никакой. Купить во время остановокъ на станціяхъ тоже нельзя: двери вагоновъ заперты, да и деньги послѣ объявленія ихъ военною добычею, мало у кого сохранились. Даже въ водѣ, и той отказывали. На просьбу, пить,—отвѣчали: „Вы хотѣли войны, вотъ вамъ война, а воды не получите“. Естественныя надобности пришлось отправлять внутри товарныхъ вагоновъ. Насъ провезли черезъ Алленштейнъ и др. города, которые мы передъ тѣмъ занимали. Все было въ цѣлости.

Во время перевозки, за 4 дня плѣна, только въ одномъ мѣстѣ была попытка дать пищу. Къ вагонамъ поднесли ушатъ чая безъ сахара и маленькіе бутерброды; но вагоны не всѣ были раскрыты и зачерпнуть эту воду могъ только тотъ, у кого была кружка.

Польское населеніе во время проѣзда нами Познанской провинціи всячески выражало намъ свое сочувствіе и тайкомъ отъ часовыхъ передавало намъ хлѣбъ. Никогда не забуду одного машиниста поляка, который, рискуя получить прикладомъ удары отъ часовыхъ, и нѣсколько разъ потерпѣвъ неудачу, все-таки ухитрился передать намъ узелокъ съ хлѣбомъ и яблоками.

Въ одномъ изъ товарныхъ вагоновъ умеръ тяжело раненый плѣнный. На станціяхъ просили забрать изъ вагона трупъ, но всѣ отказывались, такъ какъ никто не хотѣлъ возиться съ мертвецомъ, и мертвецъ былъ привезенъ къ мѣсту назначенія—въ лагерь военно-плѣнныхъ въ гор. Гогензальцъ.

Поразило меня отношеніе къ намъ нѣмецкихъ сестеръ милосердія. Увидѣвъ на станціи сестру милосердія, я обрадовался ей, вѣря, что она, нося на груди символъ милосердія, сжалится надъ нами и дастъ намъ воды, но я горько разочаровался: она съ презрѣніемъ отъ меня отвернулась; и нѣмецкій языкъ ее не тронулъ!

Подъ конецъ этого путешествія на большинство изъ насъ напалъ какъ бы столбнякъ. Мы ни на что не реагировали, ничему не удивлялись и ко всему происходившему были безучастны.

Въ городѣ Нейссѣ, куда привезли ночью, насъ ожидала толпа народу. Опять угрожающіе выкрики по нашему адресу, пѣніе Wacht am Rhein. Какая-то старуха вцѣпилась въ спину офицера и конвойный съ трудомъ ее оторвалъ. Правда, въ толпѣ слышались

вздохи и слова сочувствія, но они были произнесены на польскомъ языкѣ, и лица нѣкоторыхъ женщинъ, на которыхъ удалось замѣтить слезы сочувствія, несомнѣнно принадлежали къ польскимъ типамъ.

III.

Въ плѣну (Нейссе).

Въ Нейссе размѣстили насъ въ грязныхъ старыхъ артиллерійскихъ казармахъ и конюшняхъ. Тамъ, гдѣ раньше стояла одна лошадь, были помѣщены 2 офицера. Въ лагерѣ этомъ были только офицеры. Вообще, въ Германіи офицерскіе лагери плѣнныхъ строго отдѣляются отъ лагерей нижнихъ чиновъ, и никогда ни одинъ офицеръ въ лагерь нижнихъ чиновъ не допускается. Ужасы солдатскихъ лагерей нѣмцы тщательно скрываютъ отъ интеллигентнаго глаза.

На слѣдующее утро мы узнали, что въ лагерѣ имѣется солдатская лавочка (cantine),—мы всѣ направились туда и набросились на хлѣбъ и колбасу. У кого были деньги, тотъ купилъ столько, что хватило бы одному на 20 дней. Казалось, что хлѣбъ и колбаса вотъ исчезнутъ и опять будетъ голодъ. Была тягостная картина очереди у лавочки, гдѣ иногда приходилось стоять по нѣсколько часовъ и уходить ни съ чѣмъ.

Въ казармахъ размѣстили насъ очень тѣсно: въ одной комнатѣ размѣщали столько кроватей, сколько хватало мѣста. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ кровати ставили въ 2 этажа. Такое размѣщеніе кроватей было для меня новостью. На каждаго офицера полагалась солдатская кровать, соломенный тюфякъ, такая же подушка, 1 простыня, одѣяло въ чехлѣ, табуретъ и шкафчикъ. Бани и душей въ Нейссе не было.

Говоря о пищѣ въ плѣну, надо имѣть въ виду, во-

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

первыхъ, 2 періода времени, а во-вторыхъ: сколько германское правительство отпускаетъ на содержаніе плѣнныхъ офицеровъ. Періоды раздѣляются: до 1 марта 1915 года и послѣ этого времени. До перваго марта въ лавочкѣ на собственныя деньги можно было купить съѣстные продукты, какъ хлѣбъ, сухари, печеніе, муку, крупу, сало, мясо и пр. Послѣ 1 марта 1915 года всѣ вышеназванные продукты нѣмецкимъ правительствомъ было запрещено продавать плѣннымъ. По этому поводу въ нѣмецкихъ газетахъ писали: „Германію хотятъ взять голодомъ, такъ пусть знаютъ, что въ первую голову голодать будутъ плѣнные". Плѣнные офицеры безвыходно живутъ въ лагерѣ, а потому и довольствуетъ ихъ нѣмецкое правительство. На довольствіе и содержаніе отпускается: на прапорщиковъ, подпоручиковъ и поручиковъ—60 марокъ (27 р.) въ мѣсяцъ; отъ штабсъ-капитана до генерала включительно 100 мар. (46 р.). У насъ въ Россіи плѣнные офицеры жили на свободѣ и получали на руки: оберъ-офицеры 50 р., штабъ-офицеры 80 р. и генералы 125 р. въ мѣсяцъ, да плюсъ еще квартирныя деньги. Если принять во вниманіе разницу въ дороговизнѣ жизни въ Германіи и Сибири, то разница въ положеніи плѣнныхъ у насъ и въ Германіи окажется огромная.

Абсолютное лишеніе плѣнныхъ свободы и запрещеніе продавать плѣннымъ вышеназванные продукты кладетъ особый отпечатокъ на жизнь плѣнныхъ. Это основа всего остального. Это 2 настолько различныхъ положенія, что между ними почти нѣтъ ничего общаго.

Для сравненія: во время проѣзда до мѣста назначенія у насъ плѣнные офицеры получаютъ суточные въ размѣрѣ: оберъ-офицеры 1 р. 50 к., штабъ-офицеры 2 р. 25 к. и генералы 2 р. 25 к. Намъ въ Германіи не только во время перевозки (авг. 1914 г.) не давали пищи, но отказывали даже и въ водѣ.

Довольствіе въ лагерѣ производилось слѣдующимъ порядкомъ: ежедневно во время утренней повѣрки каждому офицеру выдавали по 3 бляшки, которые служили ему знаками для полученія пищи. Въ лагерѣ въ Нейссе особенно тягостенъ былъ порядокъ полученія пищи: надо было выстраиваться въ затылокъ и по нѣсколько часовъ ждать очереди. Первыхъ, стоящихъ впереди, впускали въ комнату, остальные ждали, пока тѣ пообѣдаютъ. Пообѣдавшіе выходили, по бляшкамъ впускалась слѣдующая очередь и т. д. Такихъ очередей было 4—5. Ножей и вилокъ къ обѣду не полагалось. Имѣть свои допускалось. Тарелка давалась. Обѣдъ въ лагерѣ Нейссе (августъ—октябрь 1914 г.), состоялъ изъ куска хлѣба (около 20 золотн.), водянистаго супа безъ навара и куска мяса. На ужинъ или 2 сосиски, или колбаса, вызывающая поносы, или бутербродъ съ сыромъ. Утромъ давалось забѣленное кофе и 2 нашихъ копѣечныхъ булочки. Когда обѣдъ или ужинъ ужъ слишкомъ былъ плохимъ, то нѣкоторые не обѣдали, но зато на ужинъ предъявляли 2 бляшки и получали 2 ужина, или наоборотъ. Нѣмцы, вначалѣ удивлявшіеся, почему у нихъ въ обѣдъ остается вассеръ—супъ, а такого же числа ужиновъ не хватаетъ, подъ конецъ догадались и на бляшкахъ выдавили буквы: F (Frühctück), M (Mittagessen) и A (Abendessen), и теперь уже вмѣсто ужина ѣсть 2 обѣда было нельзя. Но и тутъ мы обошли нѣмецкое правило. Когда ужинъ былъ тухлымъ, его не брали, но зато на слѣдующій день предъявляли 2 бляшки съ буквами M. и получали 2 ужина. Нѣмцы всеже перехитрили и ввели для контроля бумажныя марки, на которыхъ было напечатано число, на которое годна марка и первыя буквы завтрака, обѣда и ужина. Довольствовалъ насъ антрепренеръ-откупщикъ, родственникъ коменданта, онъ же держалъ лавочку, цѣны въ

которой были произвольны и на процентовъ 40 дороже городскихъ. Комнатою, служившей плѣннымъ офицерамъ столовою, пользовались нѣмецкіе солдаты, но они были на привиллегированномъ положеніи по отношенію къ намъ. Для нихъ на столъ накрывали скатерть и подавали ножи и вилки, чего русскіе офицеры не удостаивались. Тутъ же за офицерскій столъ садились грязные нѣмецкіе рабочіе, которые, чтобы очистить для себя мѣсто, свободно расталкивали офицеровъ.

Плѣнные офицеры были раздѣлены на роты, во главѣ которыхъ стояли нѣмецкіе фельдфебеля, въ помощь которымъ назначалось нѣсколько солдатъ; послѣдніе вѣдали всей жизнью плѣнныхъ, выстраивали ихъ для повѣрокъ, которыхъ днемъ было 2, въ 9 час. утра и 7 час. вечера. На повѣрку во дворѣ выходить должны были всѣ офицеры. Строили насъ по ротамъ въ 2 шеренги. Съ особымъ удовольствіемъ нѣмецкіе солдаты насъ выстраивали, выравнивали по фронту и въ глубину съ окриками, свойственными всѣмъ нѣмецкимъ начальникамъ и въ особенности нижнимъ чинамъ, вошедшимъ въ роль начальниковъ. Повѣрка производилась по фамиліямъ. Сдѣлавъ повѣрку, фельдфебеля являлись къ коменданту и долго о чемъ-то разговаривали, а мы въ это время стояли выстроенными и ждали; окончивъ разговоры, фельдфебеля подходили къ намъ и разрѣшали разойтись. Дни для насъ, плѣнныхъ, тянутся долго и однообразно. Въ особенности тоскливо въ конюшнѣ; свѣтъ падаетъ черезъ маленькое окошечко; приходится открывать двери конюшни; пахнетъ навозомъ; сыро и холодно. Въ комнатахъ не лучше,—здѣсь тѣснота. Раненые и здоровые вмѣстѣ. Ночью большинство бредитъ ужасными сновидѣніями. Душатъ кошмары пережитаго,—люди срываются съ кроватей и мечутся.

Утромъ тяжелое пробужденіе. Повѣрка. Очередь

обѣда, опять повѣрка, простаиваніе по часамъ въ очереди у лавочки. Кругомъ заборы изъ колючей проволоки и злые часовые, которые надъ нами позволяютъ себѣ всякія шутки: прицѣливаются въ насъ; когда вы проходите мимо, угрожающе беретъ на изготовку и щелкаетъ затворомъ, или ради развлеченія тушатъ вечеромъ вашу лампу выстрѣломъ!.. Я говорю о фактахъ. Въ 10 час. вечера огни должны быть потушены. Въ одномъ изъ оконъ 3-го этажа горитъ еще свѣтъ. Часовой, стоящій внизу, отдаетъ приказаніе тушить свѣтъ, но наверху не слышно, а про распоряженіе это, видно, забыли. Вдругъ, трахъ... выстрѣлъ: пуля, пробивъ окно, попала въ потолокъ. Свѣтъ погасъ.

На слѣдующее утро, какъ ни въ чемъ ни бывало, жизнь въ лагерѣ идетъ своимъ чередомъ.

Переписываться съ родиною тогда еще нельзя было. Извѣстій никакихъ, кромѣ нѣмецкихъ телеграммъ, извѣщающихъ о побѣдахъ, да колокольнаго звона, вторящаго телеграммамъ.

Единственнымъ утѣшеніемъ въ плѣну было богослуженіе, которое совершали наши плѣнные священники. Изъ офицеровъ составился хоръ пѣвчихъ. Богослуженіе происходило въ конюшнѣ. О нашемъ богослуженіи мѣстная газета напечатала длинную статью, одно мѣсто которой осталось у меня въ памяти до сихъ поръ; говоря о молящихся офицерахъ, газета дословно выражается: „Эти дикіе, кровожадныя собаки во время богослуженія падаютъ на колѣни и въ изступленіи цѣлуютъ пахнущую навозомъ землю, на которой еще не исчезли слѣды копытъ нашихъ лошадей. Навѣрное, они думаютъ замолить грѣхи, которые совершили въ Восточной Пруссіи“. Статья эта дышала ненавистью и оскорбленіями по нашему адресу.

Въ лагерѣ были и пріятныя минуты: по временамъ черезъ заборъ передавали намъ радостныя для насъ

извѣстія о пораженіи нѣмцевъ. Голосъ на польскомъ языкѣ, какъ бы изъ потусторонняго мира, черезъ заборъ выкрикивалъ намъ слова ободренія и возвѣщалъ о нѣмецкихъ неудачахъ. „Мужайтесь, пане, на вашей сторонѣ побѣда, пруссаки побиты, дѣла ваши хороши“. Бывало, по цѣлымъ часамъ бродишь вдоль забора, чтобы подслушать этотъ ободряющій голосъ, какого-нибудь сочувствующаго намъ поляка. Извѣстія, передаваемыя черезъ заборъ, такъ и получили кличку „подзаборныхъ свѣдѣній“. Ими мы питались и имъ вѣрили. Первыя свѣдѣнія о пораженіи арміи австрійскихъ генераловъ Данкля и Ауфенберга подъ Люблиномъ мы получили изъ подзаборныхъ извѣстій. Мы очень обрадовались, и извѣстіе это втеченіе нѣсколькихъ минутъ облетѣло весь лагерь. Оно было такъ радостно, что не хотѣлось вѣрить. Искали подтвержденія въ нѣмецкихъ газетахъ, которыя къ этому времени разрѣшено было пріобрѣтать, но въ нихъ ничего не нашли; напротивъ, писалось о якобы большихъ побѣдахъ австрійцевъ подъ Люблиномъ и замолкли; потомъ глухо проскользнуло извѣстіе о бояхъ у Рава-Русски въ Галиціи и, наконецъ, оффиціально сообщалось, что Львовъ изъ гуманитарныхъ и стратегическихъ цѣлей очищенъ и занятъ русскими. Мы тогда все поняли и это было для насъ днемъ торжества надъ нашими притѣснителями. На лицахъ нѣмцевъ была тревога и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ: съ нами они начали обходиться гораздо вѣжливѣе. Мы, напротивъ, ходили всѣ улыбающіеся, веселые и таинственно шептались; это былъ шопотъ надежды, что вотъ придутъ наши и высвободятъ насъ изъ этой культурной неволи. Отношеніе къ намъ часовыхъ стало еще болѣе дерзкимъ и вызывающимъ.

Дворъ для прогулокъ застроили бараками, остался кусокъ двора, шириною 20 шаговъ и длиною 40, на

которомъ приходилось кружиться нѣсколькимъ сотнямъ плѣнныхъ. Если шага на 3 подходили къ забору, то часовой бралъ на руку и прикладомъ гналъ въ середину двора. Дѣлалъ это умышленно грубо и съ полнымъ сознаніемъ физическаго превосходства вооруженнаго человѣка надъ беззащитнымъ.

Особенно въ безвыходномъ положеніи очутились наши офицеры въ первые мѣсяцы плѣна. Получать изъ дому ничего нельзя. Въ лагерь многіе были приведены оборванными, окровавленными, безъ обуви и бѣлья. Купить не на что,—при взятіи въ плѣнъ деньги объявлены военною добычею нѣмецкихъ солдатъ: у кого уцѣлѣли, тѣ помогали товарищамъ, но этого было мало. У кого не было денегъ на прачку, тѣ сами себѣ мыли бѣлье въ холодной водѣ и, пока оно сохло, ходили безъ бѣлья, или по утрамъ въ костюмѣ Адама устраивали охоту на насѣкомыхъ. Никого это не удивляло и находили это какъ бы нормальнымъ и обыдённымъ. У кого деньги сохранились, тѣ могли купить бѣлье и заказать за большія деньги военное платье. Штатское платье было очень дешевымъ, но пріобрѣтать его намъ не разрѣшали. Въ началѣ, разъ въ недѣлю, во дворъ впускались къ намъ торговцы, но они составляли нѣкоторую конкуренцію лагерному лавочнику, который находился въ родственныхъ отношеніяхъ съ комендантомъ, и потому доступъ торговцевъ въ лагерь былъ запрещенъ. Одна торговка-старушка приносила продавать намъ по недорогой цѣнѣ маленькія подушки и сочувствовала намъ—плѣннымъ. Когда о сочувствіи этой старушки узналъ комендантъ, то приказалъ отобрать отъ нея подушки, запретить доступъ ей въ лагерь, и ея фамилія, какъ измѣнницы фатерланда, была расклеена на улицахъ гор. Нейссе.

Для прислуживанія на кухнѣ и плѣннымъ офицерамъ (одинъ солдатъ на 8—12 офицеровъ) въ Нейссе

были привезены наши солдаты, которые почти цѣликомъ состояли изъ евреевъ и нѣмцевъ-колонистовъ. Съ офицерами вели они себя очень дерзко и вызывающе. На отданное офицеромъ приказаніе они отвѣчали, что въ настоящее время они исполняютъ приказанія только нѣмецкихъ унтеръ-офицеровъ, которые имъ приказали то и то, и что мы имъ теперь не начальники. Во время обѣда солдатъ-колонистъ приносилъ мнѣ супъ на днѣ тарелки; на мое замѣчаніе, что онъ принесъ мало супу, колонистъ отвѣтилъ:—„не забудьте, что вы въ Германіи и больше супа вамъ не полагается“. Комендантъ и нѣмецкіе солдаты были всецѣло на сторонѣ нашихъ денщиковъ, послѣдніе были къ намъ приставлены для того, чтобы шпіонить за нами и доносить нѣмцамъ. Комендантъ знаетъ все, что дѣлается и говорится въ лагерѣ. Евреи и колонисты подали прошеніе нѣмецкому правительству о принятіи ихъ въ нѣмецкое подданство, имъ отвѣтили, что до окончанія войны сдѣлать этого нельзя, а послѣ войны—пожалуйте. Послѣ этого отказа, евреи и колонисты стали вѣжливѣе обращаться съ нами. Было тяжело и обидно въ такомъ положеніи выносить оскорбленія еще отъ своихъ солдатъ; нѣкоторые прорывались и сами расправлялись съ этими іудами; но за это еще большему преслѣдованію подвергались со стороны нѣмцевъ.

При мнѣ во дворѣ нашихъ казармъ началась постройка бараковъ для плѣнныхъ. Бараки эти строились двухъэтажными изъ сырыхъ досокъ. Одинъ почти вплотную къ другому въ четыре ряда въ ширину и столько же рядовъ въ длину.

Солнце туда не проникало. Окна бараковъ, выходившія во дворъ въ сторону улицы, были закрашены. Въ баракахъ этихъ мнѣ пришлось прожить только 3 дня въ октябрѣ 1914 года. Они насквозь продува-

лись. Доски настолько ссохлись, что простымъ глазомъ въ стѣнѣ виднѣлись щели. Въ комнатѣ стояла желѣзная печка, 1¼ высоты и ¼ аршина въ діаметрѣ, но топить ее было почти нечѣмъ. Единственнымъ утѣшеніемъ въ лагерѣ, до застройки двора бараками, были прогулки по двору. Тогда ходили по этому двору цѣлый день. Одни быстрыми шагами, съ сосредоточеннымъ лицомъ, съ глазами, устремленными вдаль, по цѣлымъ часамъ бѣгали по двору и, казалось, не жили здѣшнею жизнью: тѣло ихъ было здѣсь, а душа, мысли гдѣ-то далеко, среди милой родины и близкихъ друзей. Они говорили сами съ собою, по временамъ чему-то улыбались и, казалось, совершенно забыли о той клѣткѣ изъ колючей проволоки, среди которой они мечутся. Другіе, напротивъ, гуляли медленно, замѣчая все, творящееся кругомъ, и во всемъ отдавая себѣ отчетъ. Душа ихъ протестовала противъ безсмысленнаго глумленія. Они жили настоящею жизнью плѣнныхъ, и путь ихъ былъ тернистъ.

Наконецъ, разрѣшили посылать письма въ Россію. Писали, но въ началѣ не вѣрили, что войдемъ въ связь съ родиною, что въ этотъ міръ неоффиціальныхъ рабовъ въ состояніи проникнуть вѣсти изъ потустороннаго міра,—трудно было вѣрить, что мы считаемся еще гражданами великой Россіи, что мы можемъ о себѣ подать вѣсточку. Думали,—если будутъ знать на родинѣ, что мы живы, то послѣ войны потребуютъ и нашего возвращенія. Нѣмцы должны съ этимъ считаться, и мы останемся цѣлы. Такова была психологія во время первыхъ мѣсяцевъ плѣна, когда подать о себѣ вѣсточку на родину было нельзя.

Всѣ ждали отвѣта на свои письма, волновались, высчитывали, когда дойдетъ письмо, сколько времени пройдетъ на отвѣтъ. Время шло, а отвѣта не было. Многіе махнули уже рукою, какъ вдругъ въ лагерѣ

плѣнныхъ изъ устъ въ уста разносится вѣсть, что изъ Россіи получена открытка. Заволновались, забѣгали, разыскивая этого счастливчика, чтобы собственными глазами убѣдиться, подержать письмо въ своихъ рукахъ. Открытка переходила изъ рукъ въ руки, всѣ ее осматривали, перечитывали. Удивлялись штемпелямъ и печатямъ военной цензуры. Высчитывали, когда открытка послана, сколько времени была въ пути и по ней старались угадать, когда сами могутъ получить отвѣтъ. Хозяинъ открытки ходилъ веселый, улыбающійся и въ сотый разъ разсказывалъ, когда онъ написалъ письмо, гдѣ живутъ его родные, когда послали ему отвѣтъ. Онъ чувствовалъ себя героемъ дня. Жизнь въ лагерѣ оживилась, плѣнные стали веселѣе и разговорчивѣе.

Извѣстія изъ-подъ забора получались однѣ радостнѣе другихъ: Львовъ занятъ нами, Перемышль осажденъ, наши подошли къ Кракову. Это было такъ хорошо, что не хотѣлось вѣрить. Начали высчитывать, когда наши бравые казачки появятся подъ стѣнами лагеря и вывезутъ насъ на крупахъ лошадей.

Физіономіи нѣмцевъ были вытянуты; ихъ заносчивость начала убавляться, они чего-то ждали. Вдругъ поздно вечеромъ объявили, что насъ рано утромъ вывозятъ изъ Нейссе въ глубь Германіи. Количество часовыхъ усилили вдвое. Группу офицеровъ, мирно разговаривавшихъ, разогнали штыками, но настроеніе было бодрое; пусть намъ плохо, зато наши дѣла хороши. Нѣкоторые не спали всю ночь; ждали чуда—появленія нашихъ казаковъ: въ одну ночь имъ пришлось-бы совершить походъ въ 200 верстъ. Всѣхъ смущалъ усиленный нарядъ часовыхъ, но наступило утро, насъ выстроили, сосчитали, раздѣлили на 4 группы, снова пересчитали. Каждая группа была назначена въ различныя мѣста Германіи. Моя группа была назначена

на островъ Дэнгольмъ (близъ гор. Стральзунда). Во время нашего отъѣзда изъ лагеря Нейссе отношеніе къ намъ жителей было болѣе мягкое. Правда, всѣ ждали нашего наступленія на Силезію.

Не было уже той самонадѣянной увѣренности, что была въ августѣ, когда нѣмецъ по пальцамъ высчитывалъ, когда будетъ взятъ Парижъ, когда Варшава и когда Петроградъ. Той грубости, съ которой насъ здѣсь встрѣтили, не замѣчалось. Публика молчала и вопросительно на насъ поглядывала.

IV.

Плѣнные или рабы?!.

Опять большинство товарныхъ вагоновъ, двухдневный переѣздъ въ тѣснотѣ до острова Дэнгольма; пищу дали только одинъ разъ, какой-то супъ, за который по пріѣздѣ къ Дэнгольму приказали заплатить 1½ марки. Какъ только отъѣхали отъ ст. Нейссе, насъ объявили новыми плѣнными, послѣ якобы большой побѣды, только что взятыми на фронтѣ, и увѣрить нѣмцевъ въ противоположномъ было невозможно.

На ст. Франкфуртъ на Одерѣ насъ высадили изъ вагоновъ, построили строго въ 4 колонны и повели ѣсть супъ. При возвращеніи въ вагоны одинъ изъ офицеровъ немного разравнялся. Ни слова не говоря, конвойный ударилъ офицера прикладомъ по спинѣ. Мы запротестовали, но линія конвойныхъ съ примкнутыми штыками сомкнулась вокругъ насъ еще тѣснѣе. Штыками наперевѣсъ насъ заставили войти въ вагоны и заперли двери на ключъ. На нашъ протестъ, начальникъ конвоя—унтеръ-офицеръ отвѣтилъ, что всѣхъ недовольныхъ успокоитъ прикладомъ. Въ это время на станцію пришелъ поѣздъ, въ кото-

ромъ оказались наши плѣнные солдатики. Поѣздъ остановился рядомъ съ нашимъ и черезъ узкое отверстіе, окна товарнаго вагона, намъ удалось перекинуться нѣсколькими словами. Первымъ заявленіемъ нашихъ солдатъ было: „Ваше благородіе, насъ бьютъ, бьютъ до смерти. Во время обѣда за просьбу о добавкѣ пищи 8 человѣкъ было изранено штыками. Мы голодаемъ. Заступитесь за насъ, сообщите въ Россію. За что они насъ мучаютъ“. Подошедшій ландштурмистъ прервалъ разговоръ и задвинулъ окно товарнаго вагона. Солдатъ вывели изъ вагоновъ. Тутъ въ первый разъ я воочію увидѣлъ, въ какомъ видѣ находятся наши солдатики послѣ 2½ мѣсяцевъ плѣна.

Блѣдныя, изможденныя и равнодушныя уже ко всему лица, грязная оборванная одежда, у многихъ непокрытыя головы и ноги обернуты соломенными жгутами. Опустивъ головы, они печально шествуютъ, сопровождаемые бранью и угрозами ландштурмистовъ.—„Ваше благородіе, помогите“,—звучала ихъ просьба въ моихъ ушахъ. Мнѣ тяжело было не оправдать надеждъ этихъ незамѣтныхъ и безмолвныхъ мучениковъ; но я самъ былъ въ такомъ же положеніи. Хотѣлось имъ крикнуть:—„Вижу ваши страданія, мужайтесь, братья! придетъ часъ возмездія“,—но стѣны вагоновъ толсты, окна задвинуты, меня не услышатъ. Въ тяжеломъ раздумьи продолжали мы путь. Въ часъ ночи привезли насъ на ст. Стральзундъ. На перонѣ находился германскій офицеръ съ шикарно одѣтою дамою. Когда нашъ поѣздъ остановился, офицеръ и дама начали наступать на нашъ вагонъ и злобно грозили намъ кулаками, затянутыми въ бѣлыя перчатки; городъ ужъ спалъ. Но вѣсть о прибытіи плѣнныхъ быстро разнеслась по городу, и дома освѣтились, улицы начали заполняться публикою; раздалось пѣніе Wacht am Rhein и радостныя восклицанія по поводу побѣды

фатерланда, дарованной вновь старымъ нѣмецкимъ Богомъ. Угрозы и презрѣніе побѣжденнымъ. Возбужденіе съ каждою минутою усиливалось. Какой-то господинъ въ цилиндрѣ, видно вообразивъ себя на полѣ брани, палкою, какъ шпагою, началъ тыкать въ плѣнныхъ.

Къ счастью, насъ скоро вывели за городъ, и чернь, требовавшая казни плѣнныхъ, осталась позади. Ея крики долго еще сопровождали насъ въ ночной темнотѣ.

V.

Островъ Дэнгольмъ.

На островѣ Дэнгольмѣ, кромѣ казармъ,—ни жилья. Только плескъ волнъ нарушаетъ тишину. На островѣ первыми насъ встрѣтили полицейскія собаки, которыя каждаго изъ насъ старательно обнюхали. Не надѣясь на себя, нѣмцы призвали на помощь чутье собакъ, и они были правы: при побѣгѣ я больше считался съ собаками, чѣмъ со всѣмъ нѣмецкимъ карауломъ. Раны мои въ это время уже зажили, и у меня началъ составляться планъ побѣга. Бѣжать изъ этого рабства, или погибнуть—таково было мое рѣшеніе. Я не ручался за себя; я боялся, что мои руки въ одну минуту помимо воли поднимутся и задушатъ какого-нибудь оскорбителя. Встрѣча на островѣ съ полицейскими собаками произвела на меня гнетущее впечатлѣніе. Бороться съ людьми я умѣлъ, но съ животными...

Размѣстили насъ здѣсь въ двухъэтажныхъ казармахъ. Въ одной комнатѣ со мною помѣщалось 20 человѣкъ; кровати одна къ другой стояли настолько тѣсно, что къ нѣкоторымъ кроватямъ подойти съ боку было нельзя и чтобы попасть въ кровать, надо было перелѣзть черезъ спинку кровати и на четверенькахъ добираться до головной части. Пища на Дэнгольмѣ была та же, что и въ Нейссе; только къ обѣду, вмѣсто

хлѣба, давали одну кашу и копѣечную булочку, да ужинъ былъ всегда холодный, состоявшій изъ бутерброда съ чайною колбасою, или сальтисономъ, отъ котораго происходили сильнѣйшіе поносы. Довольствовалъ насъ, какъ и въ Нейссе, антрепренеръ-откупщикъ, который содержалъ и лавочку въ лагерѣ. Цѣны въ лавочкѣ были произвольныя и на процентовъ 40—50 дороже городскихъ. Гдѣ-то висѣла такса, но ею никто не интересовался. На любую просьбу плѣнныхъ лавочникъ могъ отвѣтить отрицательно, и потому приходилось платить, сколько онъ хотѣлъ. Особенно, вновь прибывающіе офицеры, голодные и оборванные, отдавали послѣдніе гроши, чтобы насытиться и перемѣнить бѣлье. Тутъ было не до цѣнъ.

Комендантъ лагеря—офицеръ запаса изъ нижнихъ чиновъ—не говорилъ, а кричалъ на насъ на рѣзкомъ нижнегерманскомъ нарѣчіи, и при его появленіи мы прятались въ свои норы.

На островѣ, около нашихъ казармъ, каждый день происходили занятія запаснаго батальона 42 полка. Однажды рота въ разсыпномъ строю производила наступленіе на площадку, по которой гуляли плѣнные. Мы остановились и смотрѣли на рѣдкую картину,—какъ нѣмецкая рота обучается искусству войны на плѣнныхъ. Мы служили имъ мишенями. Въ это время появился комендантъ и началъ на насъ кричать, что это для насъ не театръ и чтобы мы продолжали двигаться въ своемъ кругу. Мы, окруженные часовыми, снова заходили по маленькой площадкѣ, а нѣмецкая цѣпь продолжала на насъ наступать и, наконецъ, пошла на „ура“, но недоходя до насъ на 30 шаговъ остановилась. Собрались въ кучу, и офицеръ долго говорилъ солдатамъ зажигательную рѣчь, указывая на насъ.

Режимъ для насъ, въ особенности въ смыслѣ лишенія свободы, былъ еще строже, чѣмъ въ Нейссе.

На прогулку по площадкѣ, 100 шаговъ длиною и 20 шаговъ шириною, выпускали насъ на 3 часа въ сутки, остальное время мы должны были сидѣть въ комнатѣ и не смѣли выходить. У выхода стояли часовые. Сообщаться между казармами,—около 50 шаговъ,—было запрещено. Распредѣленіе офицеровъ по казармамъ было случайное, товарищи были раздѣлены. Офицеры 4 и 5 казармъ встрѣчались въ отхожемъ мѣстѣ, общемъ для этихъ казармъ. Это было нашимъ клубомъ. Здѣсь офицеры 2-хъ казармъ назначали свиданіе другъ другу, бесѣдовали о новостяхъ, дѣлились впечатлѣніями. У выхода стоялъ часовой и строго слѣдилъ за выходящими, чтобы плѣнные изъ 4-й казармы не попадали бы въ 5-ую. Но мы уже научились обходить бдительность часового.

Приходили туда сразу по нѣсколько человѣкъ, прятали отъ часового наши лица, или приходили—шинели въ накидку, а выходили—шинель въ рукава, и такимъ способомъ попадали въ гости въ сосѣднюю казарму. Къ себѣ возвращались тѣмъ же путемъ. Но не всегда сходило это гладко. Иногда приходилось уносить ноги подъ грозное рычаніе часового.

Казармы наши находились на маленькомъ необитаемомъ островѣ,—кругомъ вода; казалось бы, отчего не позволить плѣннымъ гулять по острову весь день? Вреда мы никому сдѣлать не могли, а для насъ это было бы огромнымъ облегченіемъ нашей участи. Многіе избѣгли бы туберкулеза и другихъ болѣзней, связанныхъ съ тѣснотою и отсутствіемъ свободы. Но нѣмцы очень любятъ порядокъ. и соблюденіе извѣстныхъ правилъ, а прогулки для плѣнныхъ они считаютъ баловствомъ и непорядкомъ...

По пріѣздѣ на островъ мы застали 150 человѣкъ нашихъ рабочихъ съ судовъ, вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми, задержанныхъ при объявленіи войны. Всѣ

они съ женщинами и дѣтьми помѣщались въ одномъ большомъ сараѣ и подстилкою имъ служила соломенная труха. Держать этихъ несчастныхъ на нашихъ глазахъ въ такомъ видѣ сочли видно неудобнымъ, и они были куда то вывезены; такъ мнѣ и не удалось узнать, какъ они жили до насъ, чѣмъ питались.

Но октябрь мѣсяцъ и соломенная труха въ сараѣ, служившая имъ прикрытіемъ, говорятъ о многомъ.

VI.

Подготовленія къ побѣгу.

Деньги здѣсь нѣмцы любили больше, чѣмъ въ Нейссе, и при помощи денегъ можно было достать и запретныя вещи, какъ штатское платье и др. Готовясь къ побѣгу, мнѣ важно было достать платье. Я притворился больнымъ, и мнѣ разрѣшено было въ сопровожденіи часовыхъ поѣхать въ городъ къ доктору. При помощи нѣмецкаго языка и нѣсколькихъ марокъ мнѣ удалось убѣдить часовыхъ разрѣшить заѣхать мнѣ въ магазинъ платья для покупки бѣлья. Къ берегу къ лодкѣ былъ вызванъ таксо-моторъ, который и доставилъ насъ въ городъ. Толпа мальчишекъ со свистомъ, гикомъ и камнями, мчалась за нами.

Моторъ остановился у подъѣзда доктора, и толпа, мчавшаяся за нами, въ нерѣшительности остановилась, видимо недоумѣвая, что же дѣлать съ нами дальше? Тѣмъ временемъ мы были уже въ подъѣздѣ. Черезъ часъ выходимъ отъ доктора,—на улицѣ гудитъ толпа народа. Я напоминаю конвойнымъ о необходимости быть на чеку и не давать насъ въ обиду. Товарищъ мой пошелъ въ аптеку, а я остался въ автомобилѣ. Приказаніе часового, чтобы насъ не трогали, возымѣло свое дѣйствіе, но любопытство заходило слишкомъ далеко.

Меня разсматривали какъ диковину, каждый старался протиснуться поближе, пощупать мою солдатскую шинель, заглянуть мнѣ въ глаза, переглядывались между собою и чего то ждали. Я сидѣлъ, уставившись въ одну точку, какъ будто не замѣчая прикосновеній и не шевелился. Наконецъ, послѣ томительнаго ожиданія, лѣкарство получено. Ѣдемъ въ магазинъ. Самое главное предстоитъ еще впереди. Голова усиленно работаетъ, какъ устроить, чтобы часовой въ магазинѣ не запротестовалъ, когда вмѣсто бѣлья, начну покупать штатское платье.

Вхожу въ магазинъ. О, радость! Хозяинъ магазина, жидъ изъ Варшавы, значитъ и мой гешефтъ удастся. Хозяину магазина я сообщаю свое желаніе и опасеніе на счетъ часового. Еврей съ улыбкою проситъ не безпокоиться: „все сейчасъ будетъ улажено“, подходитъ къ конвойному, суетъ ему какую-то монету въ руки и шепчетъ на ухо.

Конвойный одобрительно киваетъ головой и улыбается, невольно улыбаюсь и я. Почти безъ примѣрки, не справляясь о цѣнѣ, я приказываю хозяину завернуть нѣсколько костюмовъ и торопливо расплачиваюсь, боясь, какъ бы часовой не раздумалъ. Но вотъ пакеты въ рукахъ, сопровождаемые поклонами хозяина за щедрую расплату, мы выходимъ. На улицѣ передъ нашимъ такси огромная толпа, вся улица запружена народомъ, даже трамвайное движеніе остановилось. При нашемъ появленіи толпа заколыхалась, загудѣла. Конвойные прочищаютъ намъ дорогу. Я чувствую, что кто-то взялъ меня за рукавъ шинели и тянетъ. Я дѣлаю видъ что ничего не замѣчаю и силою продолжаю двигаться впередъ; съ другой стороны кто-то ущипнулъ меня за плечо; третій тянетъ за фалды шинели. Я прекрасно понимаю, что это вниманіе къ моей особѣ служитъ только вызовомъ, что бы къ чему-нибудь при-

драться и по своему расправиться. Съ трудомъ дохожу до автомобиля, усаживаюсь. Удастся выбраться намъ изъ этого моря головъ или нѣтъ? Въ толпѣ выкрики по моему адресу. Долго гудитъ автомобиль, толпа не раздается; но рѣзкое приказаніе часовыхъ имѣетъ свое дѣйствіе. Мы выѣзжаемъ, автомобиль, какъ бы чувствуя мое настроеніе, ускоряетъ ходъ. Въ рукахъ драгоцѣнная покупка—штатское платье. Въ немъ моя надежда, оно должно избавить меня отъ нѣмецкаго ига. Пересѣвъ на лодку, я тороплю гребцовъ, пообѣщавъ имъ щедрые „тринкгельдъ“.

По острову не иду, а бѣгу,—конвойные еле поспѣваютъ.

Получивъ еще разъ на чай, они остаются тоже довольными.

Является вопросъ, какъ съ такими большими свертками пройти мимо часовыхъ. Помогаетъ маленькая находчивость: покупки я раздаю конвойнымъ, которые проносятъ ихъ свободно. Товарищи встрѣчаютъ меня съ радостью и удивляются удачѣ.

Есть и скептики, которые смотрятъ на это, какъ на дѣтскую затѣю; но затѣя эта превратилась въ грандіозное дѣло, рѣчь о которомъ впереди. Отъ радости я цѣлую ночь не могу заснуть. Мозгъ, возбужденный удачею, усиленно работаетъ надъ планомъ побѣга. Бѣжать съ острова можно только при помощи лодки, которая моремъ доставитъ въ Данію, или Швецію, въ зависимости отъ вѣтра и морскихъ теченій.

Началась подробная разработка этого плана. Еще разъ побывавъ у доктора въ городѣ, по дорогѣ я убѣдился, что въ гавани Стральзунда стоятъ оснащенныя рыбачьи лодки, а на нашемъ островкѣ, около будки рыбака, на берегу валяется челнокъ, на которомъ легко добраться до лодокъ въ гавани. Лодки не охраняются, и выкрасть ихъ легко. Уйти съ острова при сочувствіи

намъ часовыхъ—поляковъ, затрудненій не составляло. Бѣжать на нашу западную границу—Польшу, при наличіи нѣсколькихъ полицейскихъ собакъ, не представляло никакой возможности. Къ нашему счастью, товарищъ досталъ планъ острова и окрестностей: 250 саж. въ 1 дюймѣ. Планъ этотъ былъ болѣе, чѣмъ подробный, на немъ были обозначены глубина моря, маяки, бухты и острова. Это для насъ было большимъ пріобрѣтеніемъ.

Способъ пріобрѣтенія этого плана, какъ и 2-хъ верстовой германской карты, составляетъ пока секретъ. Къ побѣгу было все готово, но увы, погода намъ не благопріятствовала. Былъ ноябрь мѣсяцъ, волны величиною съ домъ ходили по морю и, несомнѣнно, опрокинули бы нашу небольшую лодку. Побѣгъ пришлось откладывать, а море день и ночь бушевало. Вдругъ въ лагерѣ появился слухъ, что наши подводныя лодки появились около острова. Въ гавань, по словамъ солдатъ, пришло поврежденное нѣмецкое военное судно. Мы всѣ волновались, нѣкоторые не спали по ночамъ и все глядѣли въ море, на которомъ появлялись какіе-то огоньки. Въ этомъ хотѣли видѣть сигнализацію нашего флота. Какъ въ Нейссе, ждали казаковъ, такъ здѣсь всю надежду на спасеніе возлагали на моряковъ. Наши предположенія подтверждались: сообщеніе съ Швеціей между Сасницемъ и Трелльборгомъ было прервано. Паромы съ поѣздами не выходили въ море, въ чемъ изъ окна мы сами могли убѣдиться.

VII.

Первая попытка.

Вдругъ нѣмцы съ взволнованными лицами намъ объявляютъ, что насъ уводятъ въ глубь Германіи. О

побѣгѣ лодкою нельзя было и думать; на морѣ все время буря. Не теряя времени, былъ выработанъ другой планъ побѣга: бѣжать съ поѣзда во время переѣзда. Насъ раздѣлили на 3 группы и назначили въ Фридбергъ, Гейдельбергъ и III гр. въ г. Виллингенъ.

Во чтобы-то ни стало надо было попасть въ III гр., такъ какъ Виллингенъ недалеко отъ границы Швейцаріи.

Подъѣзжая къ Виллингену, спрыгнуть съ поѣзда и пѣшкомъ пробираться въ Швейцарію. Во время движенія поѣзда часовые стоятъ въ будкахъ надъ вагономъ, остальные размѣщаются въ переднемъ и заднемъ вагонѣ. Авось, не замѣтятъ.

Съ особымъ удовольствіемъ и радостью я прочелъ въ газетахъ, что съ острова Дэнгольма (около Рюггена) при помощи лодки бѣжало 7 нашихъ нижнихъ чиновъ. Что не удалось мнѣ, было совершено нашими героями солдатами. По бурному морю, среди опасныхъ теченій они на лодкѣ пріѣхали въ Данію. Разстояніе это по воздушной линіи равняется 70 верстамъ. Путь этотъ, изученный мною еще тогда по картѣ, твердо запечатлѣлся у меня въ памяти. Всѣ острова, извилины берега и бухты, ясно живутъ у меня въ мозгу до сихъ поръ. Но вѣдь у солдатъ не было ни картъ, ни компаса, полагались они на Бога, звѣзды на небѣ и русское „авось“. Лучше погибнуть, чѣмъ оставаться въ этомъ позорномъ для воиновъ рабствѣ. Какъ много ихъ гибнетъ!

Нѣмецкія газеты полны описаніями неудачныхъ побѣговъ, но гибель товарищей не останавливаетъ оставшихся. За побѣгъ къ нижнимъ чинамъ какъ нѣмцы, такъ и австрійцы примѣняютъ самыя жестокія наказанія, а именно: вздергиваніе на „дыбы“ или подвѣшиваніе. Оно заключается въ слѣдующемъ: связы-

ваютъ ноги, за связанныя за спиною руки подвѣшиваютъ къ столбу или дереву на 1 аршинъ отъ земли. Эту пытку самый здоровый организмъ можетъ выдержать не долѣе 20 минутъ, потомъ впадаетъ въ обморокъ, кровь показывается горломъ. Тогда опускаютъ, откачиваютъ холодною водою и опять подвѣшиваютъ.

Это наказаніе примѣняется солдатамъ и за отказъ отъ работъ, причемъ зачастую заставляютъ работать въ траншеяхъ или на заводахъ Круппа, что воспрещается Гаагской конференціей, отъ чего наши солдаты имѣютъ полное право отказываться.

При размѣщеніи въ вагоны намъ во чтобы то ни стало понадобилось попасть въ вагонъ III класса, такъ какъ выбраться изъ товарнаго вагона нѣтъ возможности. Это намъ удалось и насъ, нѣсколько человѣкъ, рѣшившіеся бѣжать, помѣстились въ одномъ отдѣленіи. Дверь изъ отдѣленія открывалась прямо наружу и была заперта на ключъ. За глухою стѣною помѣстился караулъ, въ будкѣ стоитъ часовой. Какъ только тронулся поѣздъ, начались работы по открытію дверей вагона. Отъ замочной скважины оторвали желѣзную планку и изъ нея рѣшили вырѣзать дверной ключъ. Язычекъ отъ замка виднѣлся въ отверстіи, и къ его размѣру изъ желѣзной планки при помощи перочиннаго ножика и надо было вырѣзать ключъ. Работа продолжалась $1^1/_2$ сутокъ, и благодаря особой энергіи моего товарища, куску желѣза придали видъ ключа, но зато руки у него были въ волдыряхъ и поцарапаны. Ключъ поддѣлали къ дверямъ уборной, такъ какъ открываніе дверей изъ темной уборной было менѣе замѣтно. Съ большимъ ожиданіемъ вставили ключъ въ замочную скважину... дверь не раскрывается. Ключъ беретъ хорошо, но дверь не поддается. Рѣшили приналечь силою. Я изо всей силы напиралъ плечомъ на дверь, а това-

рищи держали меня сзади, чтобы я не вылетѣлъ изъ вагона. Результата никакого. Мучились, потѣли. Изслѣдовали устройство замка и обнаружилось, что ключъ сдѣланъ нами къ механизму дверной ручки, а не замка. Вся та огромная работа, которая производилась въ теченіе почти 2 сутокъ, была сдѣлана напрасно. Для механизма замка нуженъ былъ другой ключъ. Тутъ одному пришла идея, нельзя ли открыть при помощи ножницъ для ногтей. Ножницы вставлены въ скважину, раздается щелкъ дверной задвижки, и мы чуть не вылетаемъ изъ вагона.

Дверь раскрыта. Свѣжій воздухъ врывается къ намъ. Мы отъ счастья остолбенѣли, смотримъ другъ на друга и улыбаемся. Поѣздъ мчится съ огромною быстротою, но это насъ не смущаетъ. Начинается обсужденіе, гдѣ выскакивать. Лучше всего это сдѣлать, не доѣзжая одной станціи до лагеря Виллингенъ, такъ какъ мы тогда будемъ находиться ближе всего къ швейцарской границѣ. По разсчетамъ выходитъ, что къ Виллингену мы должны подъѣхать вечеромъ съ наступленіемъ темноты. Вотъ уже проѣхали Гейдельбергъ, Карлсруэ, поѣздъ идетъ по красивымъ горамъ Шварцвальда, поднимаясь все выше и выше! Вотъ и перевалъ Зоммерау. Поѣздъ спускается съ горъ, дѣлаетъ петли, проходитъ безконечные туннели и мчится съ страшною быстротою. Мы переодѣваемся въ штатское платье, пробуемъ дверь: все въ порядкѣ. Съ каждою минутою мы приближаемся все ближе и ближе къ границѣ Швейцаріи. Все еще свѣтло. Солнце, казалось, остановилось на небѣ и не хочетъ заходить, а намъ нужна темнота. Наконецъ, вотъ уже почти стемнѣло. Поѣздъ подходитъ къ станціи. На платформѣ выстроены ландштурмисты. Какая же это станція? О, ужасъ, это—Виллингенъ.

VIII.

Въ Виллингенѣ.

Дверь раскрывается, и намъ приказываютъ выходить, такъ какъ мы пріѣхали къ мѣсту назначенія—въ лагерь Виллингенъ. Въ штатскомъ платьѣ мы вылѣзаемъ изъ вагона. Станція заполнена народомъ и ландшурмистами. Мы съежились, ждали, что вотъ раздастся Wacht am Rhein и насмѣшки по нашему адресу, но народъ безмолствовалъ. Это насъ даже удивило. На всѣхъ станціяхъ, указывая на насъ, говорили, что послѣ большой побѣды, везутъ насъ съ фронта боя, но народъ все-таки безмолствовалъ. Это былъ ноябрь 1914 года, когда уже той увѣренности въ побѣдѣ, что была въ августѣ того же года, не существовало. Не было слышно того тевтонскаго бахвальства, что раньше, когда въ 2 мѣсяца хотѣли завоевать весь міръ. Мѣстная газета нашла нужнымъ обратить вниманіе на отношеніе къ намъ публики, и на слѣдующій день напечатала: „Вчера въ нашъ городъ прибыла партія плѣнныхъ. Публика встрѣтила ихъ въ глубокомъ молчаніи“.

Около 8 часовъ вечера привели насъ въ лагерь, окружили часовыми, и продержали до 2 часовъ ночи. Все это время производился обыскъ настолько тщательный, что раздѣвали до гола и рубашку разсматривали на свѣтъ, но, конечно, ничего не нашли. Во время обыска комендантъ лагеря меня спросилъ, откуда у меня штатское платье. Я объяснилъ, что былъ раненъ, офицерскій костюмъ загрязнился и мнѣ разрѣшено было пріобрѣсти штатское платье. Объясненіе это видно не удовлетворило коменданта и за нами—въ штатскомъ платьѣ—установлено было негласное наблюденіе. Надо отдать справедливость назначенному для сей цѣли

унтеръ-офицеру: онъ обладалъ огромною проницательностью. Это былъ настоящій сыщикъ. Но чрезмѣрное усердіе его выдало. Мы замѣтили, что за каждымъ нашимъ шагомъ слѣдятъ, и первыя 2 недѣли сидѣли тихо. Не обнаруживъ за нами ничего подозрительнаго, насъ оставили въ покоѣ.

Здѣсь, какъ и на островѣ Дэнгольмъ, помѣщалось насъ—оберъ-офицеровъ русскихъ, французовъ, англичанъ и бельгійцевъ по 20 человѣкъ въ комнатѣ, на которую для прислуживанія было назначено двое французскихъ солдатъ. Отношеніе къ намъ коменданта было корректное, онъ не разрѣшалъ своимъ солдатамъ издѣваться надъ нами. Когда однажды, во время повѣрки плѣнныхъ на плацу, къ капитану англійской гвардіи, лорду Фритцруа, подошелъ нѣмецкій солдатъ и сдѣлалъ краснорѣчивый жестъ, что англичанина надо зарѣзать, послѣдній пожаловался коменданту. Комендантъ въ нашемъ присутствіи сдѣлалъ строгій выговоръ ландштурмисту, и съ тѣхъ поръ насмѣшки нижнихъ чиновъ надъ нами стали рѣдкими. Но комендантъ имѣлъ двухъ помощниковъ—лейтенантовъ, которые очень часто смѣнялись. И отношеніе къ намъ одного изъ этихъ лейтенантовъ было очень вызывающее. Онъ требовалъ даже отъ нашихъ штабъ-офицеровъ отданія ему чести, фотографировалъ насъ для какого-то коллекціонера безъ нашего согласія. Ночью, обходя наши комнаты для повѣрки, онъ держалъ передъ собою заряженный револьверъ, безъ котораго не смѣлъ показаться среди плѣнныхъ. Какъ потомъ оказалось, лейтенантъ этотъ (кажется 4-го драгунскаго полка) принадлежалъ къ типу мирнаго героя.

Когда его отправили на нашъ фронтъ въ Курляндію, онъ навѣрное, собираясь попасть къ намъ въ плѣнъ, прислалъ коменданту письмо, въ которомъ просилъ достать отъ русскаго штабъ-офицера записку, въ

которой было бы сказано, что онъ хорошо обращался съ русскими плѣнными, но такъ какъ съ нами онъ обращался очень презрительно, то, конечно, и записки отъ насъ никакой не получилъ.

Пищу въ лагерѣ Виллингенъ давали 2 раза въ день; ни чая, ни кофе, ни сахара не давали. Приготовить чай самому тоже не всегда удавалось, такъ какъ очень трудно было достать спиртъ. Продавать плѣннымъ хлѣбъ, сухари, печеніе, шоколадъ, мучные продукты, крупу—съ 1-го марта 1915 г. было запрещено. Былъ введенъ знаменитый военный хлѣбъ марки К. К., при этомъ приготовленный спеціально для плѣнныхъ.

Въ составъ этого хлѣба входилъ настолько большой процентъ картофельной муки, что въ немъ находились цѣлые куски картофеля. Туда же входила соломенная мука, и соломенную шелуху можно было замѣтить простымъ глазомъ. Хлѣбъ этотъ содержалъ много воды, былъ непропеченъ и на желудокъ оказывалъ такое же дѣйствіе, какъ и свинецъ. Такого хлѣба отпускалось около полуфунта въ день на человѣка. Купить-же хлѣба даже марки К. К. было нельзя. Между тѣмъ, нѣмецкое населеніе и караулъ ѣли хорошопропеченый бѣлый хлѣбъ. Что-же касается пищи, то хотя она здѣсь давалась 2 раза въ день, но была лучше, чѣмъ въ Вейссѣ и Дэнгольмѣ. Все-же, конечно, она не соотвѣтствовала тому меню, которое въ настоящее время распространяетъ комендантъ при посредствѣ писемъ плѣнныхъ: плѣннымъ продается для писемъ бумага, на одной сторонѣ которой напечатано по-русски меню кушаній, но это расписаніе далеко не отвѣчаетъ тому, что наши плѣнные получаютъ въ дѣйствительности. Послѣ пріѣзда какого то Баденскаго генерала насъ рѣшено было подъ конвоемъ выпускать изъ лагеря для прогулки. Для насъ это было самое радостное событіе за все время пребыванія въ плѣну.

На прогулку насъ выводили по очереди по 20 человѣкъ, окруженныхъ 10-ю часовыми. Прогулка или правильнѣе походное движеніе продолжалось 2—3 часа, и всѣ наперерывъ старались на нее попасть. Когда въ Берлинѣ узнали про наши прогулки, получено было циркулярное распоряженіе для всѣхъ лагерей, что плѣнные правомъ прогулокъ внѣ лагеря не пользуются, и насъ опять заперли въ клѣткѣ изъ колючей проволоки.

На собственныя средства намъ разрѣшено было пріобрѣтать гимнастическіе приборы и игры нѣмецкаго происхожденія, какъ кегель-банъ. Игры же англійскаго происхожденія, какъ лаунъ-теннисъ и футболъ были запрещены. Наша игра въ городки была разрѣшена, но когда комендантъ ее увидѣлъ, пришелъ въ сильное недоумѣніе и не могъ ея понять, принялъ ее за нашу хитрость и приказалъ на ночь запирать въ караульное помѣщеніе.

Бараки наши расположены были четыреугольникомъ.

Въ одинъ изъ прекрасныхъ майскихъ дней надъ нашимъ четыреугольникомъ появляется французскій аэропланъ. Паритъ онъ надъ нашимъ лагеремъ низко, низко,—простымъ глазомъ на аэропланѣ можно различить двухъ пассажировъ. Услышавъ звукъ пропеллера, всѣ плѣнные выбѣгаютъ во дворъ и съ радостными лицами наблюдаютъ появленіе въ воздухѣ *своего соотечественника* или союзника. Машутъ платками, кричатъ привѣтствія царю воздуха. Особенно бѣснуются французы, они, какъ сумасшедшіе бѣгутъ, кричатъ, машутъ. Аэропланъ рѣетъ надъ желѣзнодорожною станціею. Какой-то предметъ съ бѣлымъ хвостомъ летитъ съ аэроплана внизъ, и вдругъ страшный взрывъ потрясаетъ воздухъ. Аэропланъ бомбардируетъ станцію.

Въ это время нашъ лагерь обходила какая-то комиссія съ нѣмецкимъ генераломъ во главѣ. Всѣ они,

какъ и караулъ, попрятались въ комнаты и не смѣли даже выглядывать въ окна. Мы, плѣнные, бѣгали по двору и всячески привѣтствовали нашего свободнаго союзника.

Эта первая бомбардировка для нѣмцевъ была настолько неожиданна, что они не догадались даже обстрѣлять аэропланъ, который, окончивъ бомбардировку, скрылся въ горахъ Шварцвальда. Во время второго своего посѣщенія аэропланъ на нашихъ глазахъ бомбардировалъ пороховой заводъ въ Ротвейлерѣ и вызвалъ большой пожаръ. На этотъ разъ нѣмцы встрѣтили гостя бѣглымъ артиллерійскимъ огнемъ. Сотни шрапнелей рвались кругомъ аэроплана. Съ бьющимися сердцами наблюдали плѣнные эту рѣдкую борьбу. По временамъ аэропланъ исчезалъ въ дыму шрапнелей, и нѣмцы радостно потирали руки, заявляя, что аэроплану уже „капутъ“; но аэропланъ опять появлялся, и новые взрывы потрясали воздухъ. Мы тогда хохотали, а нѣмцы грозили намъ кулаками. Наконецъ аэропланъ невредимымъ скрылся. И мы веселые и довольные разошлись по комнатамъ.

Охрана нашего лагеря была слѣдующая: „Кругомъ онъ былъ обнесенъ деревяннымъ заборомъ, по верху котораго, высотою 1½ аршина, шла сѣтка изъ колючей проволоки. За деревяннымъ заборомъ шелъ второй заборъ изъ колючей проволоки, далѣе ровъ и, наконецъ, заборъ изъ колючей проволоки, высотою 1½ сажени, съ сильнымъ загибомъ верхней части проволоки во внутрь, чтобы нельзя было перелѣзть черезъ заборъ. Эти проволочныя загражденія были густо переплетены, и ночью освѣщались сильными электрическими фонарями.

Въ окнахъ бараковъ желѣзныя рѣшетки. За проволочными загражденіями кругомъ всего лагеря ходятъ

часовые, 30—50 шаговъ одинъ отъ другого. Во дворѣ бараковъ тоже часовые. Такова охрана нашего лагеря.

Для выхода изъ лагеря существовали единственныя ворота, пройти къ которымъ надо было мимо караульнаго помѣщенія. Ворота охранялись 2 часовыми, снутри и снаружи. Каждый разъ, кто бы ни приходилъ, или выходилъ изъ лагеря, часовой колоколомъ вызывалъ караульнаго начальника, у котораго находился ключъ отъ воротъ, и караульный начальникъ лично впускалъ и выпускалъ изъ лагеря. Вообще охрана здѣсь была сильнѣе, чѣмъ въ нашихъ каторжныхъ тюрьмахъ. Уйти изъ этой клѣтки на первыхъ порахъ казалось совсѣмъ невозможнымъ. Часовые стоятъ бдительно; ихъ самихъ очень часто повѣряютъ. Ждали темныхъ ночей, но электрическіе фонари превратили ихъ въ день. Порвать эти проволочныя загражденія у насъ не было средствъ, а уйти надо было во чтобъ то ни стало.

IX.

За работу!..

Наконецъ, пришли къ единственному выводу, что бѣжать изъ этой клѣтки можно, пройдя подъ землею подъ всѣми проволочными загражденіями мимо часовыхъ, т. е. для побѣга нуженъ подземный ходъ, который вывелъ бы насъ изъ лагеря. Какъ дойти до Швейцаріи, вопросъ былъ второстепенный, самое трудное было— уйти изъ лагеря.

Желающихъ бѣжать было много. Каждый свои намѣренія и приготовленія скрывалъ отъ другого. Вслѣдствіе этого почти одновременно начались работы надъ подкопомъ въ 2-хъ мѣстахъ, но объ этомъ стало извѣстно только мѣсяцъ спустя послѣ начала работъ.

Помѣщались мы въ баракѣ. Полъ барачной системы всегда на нѣкоторое разстояніе поднятъ надъ землею: между поломъ и землею есть пустое пространство, куда и предполагали класть изъ подкопа землю. Для прорѣзыванія пола никакихъ инструментовъ, кромѣ маленькаго перочиннаго ножика не было. Долго спорили о мѣстѣ, гдѣ всего безопаснѣе прорѣзать полъ. Одни предлагали полъ подъ шкафомъ, другіе подъ кроватью, стоящей въ углу. Рѣшили рѣзать полъ въ углу подъ кроватью. Единственнымъ инструментомъ для прорѣзыванія пола, какъ сказано, служилъ перочинный ножикъ. Полъ очень твердый, рѣзать нужно ровно, чтобъ незамѣтно было прорѣзи. Натерли и порѣзали себѣ руки, но работа не останавливалась, одинъ смѣнялъ другого. За нѣмцами изъ окна установлено было наблюденіе. Если кто изъ нѣмцевъ шелъ въ нашъ баракъ, то работа прекращалась и всѣ были на своихъ мѣстахъ; прорѣзанный подъ кроватью полъ заставляли ящикомъ, или снималкою для сапогъ. Черезъ нѣсколько дней верхній полъ былъ снятъ, подъ поломъ оказалась бумага, слой угля и опять второй полъ. Выбравъ уголь, принялись за второй полъ, рѣзать его было труднѣе, такъ какъ неудобно было доставать рукою. Кто-то подалъ идею, что нижній полъ можно прожечь. Полъ мокрый, сырой. Раскалили въ печкѣ кочергу и ею стали прожигать доски. Дымъ, вонь наполнили комнату. Прожиганіе пришлось прекратить и провѣтрить комнату. Потомъ опять прожиганіе, пока нижній полъ не былъ снятъ. Изъ подземелья повѣяло смрадомъ, сыростью. Земля настолько сырая, что вода выступаетъ на поверхность. Подъ нижнимъ поломъ оказалось около 1/4 аршина пустого пространства. Это было слишкомъ мало, чтобъ въ подполье можно было проползти. Пришлось рыть канаву и землю разбрасывать вправо и влѣво. По этой канавѣ можно было

ползти на животѣ. На другой день наткнулись на водоотводную трубу, обойти которую нельзя было, и мѣсто это пришлось забросить. Полъ задѣлали и забили гвоздями.

Изслѣдованіе подполья началось въ другомъ баракѣ, полъ котораго былъ поднятъ выше надъ землею. Опять перочинный ножикъ и раскаленная въ печкѣ кочерга даютъ намъ отверстіе въ подполье. Здѣсь пустого пространства оказалось около 1/2 аршина. Въ тотъ же день начали рыть подъ поломъ канаву, которая предназначалась для земли изъ подкопа. Работа была грязная, вслѣдствіе тѣсноты копать можно было только лежа *на спинѣ* или на боку.

X.

Подкопъ.

Земля вначалѣ была мягкая и савокъ отъ печки служилъ прекраснымъ инструментомъ. Въ выкопанной канавѣ появлялась вода, но это насъ не смущало.

Болѣе труднымъ для насъ былъ вопросъ, откуда для работъ достать одежду. Одежды требовалось много, такъ какъ она быстро пачкалась въ красной глинѣ, которую невозможно было отчистить. Даже отъ лица глина эта съ трудомъ отмывалась, а на волосахъ послѣ отмыванія оставляла желто-красный слѣдъ. Для работъ надо было имѣть спеціальные рабочіе костюмы. Купить одежду было нельзя, у каждаго плѣннаго была только одна пара обмундированія. Одежду для работы рѣшено было сшить самимъ изъ подручнаго матеріала. Прекраснымъ матеріаломъ служили брезентовые чехлы отъ тюфяковъ въ кроватяхъ. Изъ брезента мы дѣлали чехлы для сапогъ, наколѣнники, брюки, шлемы для головы и др.

Отсутсвіе чехловъ въ кроватяхъ маскировали при помощи простынь. Для верхнихъ рабочихъ куртокъ прекраснымъ матеріаломъ служили одѣяла. На каждую кровать полагалось 2 одѣяла въ чехлѣ. Слѣдовательно, одно одѣяло можно было пустить въ работу. Полотенца и простыни тоже пускались въ работу. Въ серединѣ простыни прорѣзывали дыру для головы и просунувъ туда голову, облачались въ простыни и обвязывались веревкою. Самодѣльные брезентовые сапоги выше колѣнъ, шлемъ на головѣ и простыня поверхъ всего. Когда въ такомъ костюмѣ, окончивъ работу, весь облипшій мокрой желтой глиной, плѣнный вылѣзалъ въ комнату, то онъ былъ похожъ на водолаза, или на существо изъ подземнаго царства, но ужъ никакъ не на русскаго офицера. Первое время мы сами не могли удержаться отъ смѣха и какъ безумные хохотали. Цѣнную услугу намъ оказали наши солдатскія шинели. Плотныя, непропускающія сырости, не впитывающія этой проникающей всюду глины, они сослужили намъ хорошую службу. Чтобы не разносить грязи, въ комнатѣ около входа въ подполье на полу подостлана была клеенка, надъ которою одѣвались и раздѣвались послѣ работъ. Глина все-таки разносилась по комнатѣ и намъ, офицерамъ, приходилось часто мыть полы.

Работа производилась по смѣнамъ. Смѣна состояла изъ 2—3 человѣкъ и смѣнялась черезъ каждые 3—4 часа. Кромѣ того, 2 человѣка стояли у окна и наблюдали: одинъ за наружнымъ часовымъ, а другой за часовымъ во дворѣ и, въ особенности, за приходящими къ нимъ нѣмецкими солдатами. Наружный наблюдатель о приближеніи наружнаго часового къ направленію подкопа извѣщалъ работающаго при посредствѣ веревки. Веревка была завязана на шеѣ или ногѣ работающаго (смотря по чувствительности) и *по кольцамъ*, прикрѣпленнымъ на измѣненіяхъ направле-

нія, выходила въ комнату къ окну, у котораго стоялъ наблюдатель. Дергая за веревку опредѣленное число разъ, подавались сигналы: начинать работу, прекратить, работать тише. Дернуть за веревку 3 раза, означало „начинать работу“. Непрерывное, быстрослѣдующее одно за другимъ дерганіе—„прекратить работу“, и соединеніе съ промежутками того и другого сигнала—означало „работать тише“. Когда часовой приближался къ мѣсту расположенія подкопа, или стоялъ надъ нимъ,—работа по сигналу прекращалась; когда удалялся—работа продолжалась.

Устройство самого подкопа было слѣдующее: около наружной стѣны барака подъ поломъ былъ сдѣланъ колодецъ, глубиною $3^1/_2$ аршина и такой ширины, чтобы 2 человѣка могли разойтись. Со дна этого колодца подъ стѣну шелъ подкопъ, а въ противоположную сторону ступени, по которымъ изъ колодца вы попадали въ траншеи подъ поломъ, которые были заготовлены для будущей земли изъ подкопа. Одновременно обыкновенно работало 2—3 человѣка. Одинъ въ подкопѣ, второй находился сзади и выносилъ накопанную землю, 3-й подъ поломъ рылъ канавы и умѣщалъ принесенную землю.

Рыть траншеи въ подпольѣ было самой грязной работой, и на взглядъ нѣкоторыхъ подкопщиковъ—непродуктивная. Роясь въ подкопѣ или вынося оттуда землю, вы сознавали, что съ каждою отрытою горстью земли вы приближаетесь къ желанной цѣли—къ свободѣ. А при рытьѣ канавъ въ подпольѣ этого бодрящаго и поддерживающаго силы сознанія у васъ не было. Кромѣ того, работать подъ поломъ было очень утомительно вслѣдствіе тѣсноты и грязи. Было такъ тѣсно, что лежать на боку нельзя, а только на животѣ, или спинѣ. Руки нѣмѣли и застывали отъ холода. Надо замѣтить,

что это было въ декабрѣ мѣсяцѣ, и работать подъ поломъ было гораздо холоднѣе, чѣмъ въ подкопѣ.

По наружной стѣнѣ барака шла насыпь фундамента, которая скрывала подполье снаружи. Въ фундаментѣ крысы сдѣлали дыры, черезъ которыя свѣтъ изъ подполья могъ проникать наружу. Вслѣдствіе чего для работъ въ подпольѣ надо было имѣть потайные фонари, которые были устроены изъ жестянокъ отъ консервовъ и давали свѣтъ только вверхъ.

Свѣтъ этотъ отражался на потолкѣ. Въ подпольѣ, гдѣ устраивались канавы, грунтъ былъ мягкій, но въ самомъ подкопѣ, на глубинѣ сажени, грунтъ сталъ очень твердымъ. Вообще, земля состояла изъ слѣдующихъ слоевъ: поверхность (1/2 аршина) состояла изъ чернозема, глубже шла мягкая желтая глина, потомъ твердая красная, и на глубинѣ сажени начинался каменный уголь съ примѣсью щебня и глины. По временамъ попадались большіе камни. Ни савокъ, ни кочерга отъ печки для этого грунта не годились. Нужны были настоящіе ломы. Идеальнымъ инструментомъ здѣсь могъ-бы быть плоскій ломъ. Засадивъ остріе лома въ грунтъ, поворотомъ около оси лома частицы земли сдвигались-бы съ мѣста и падали. Дѣлать другія движенія ломомъ, кромѣ поворота около оси, при существовавшей тѣснотѣ было невозможно. Здѣсь нужно было, примѣнить идею сверла или бурава. Движенія *ударныя* не допускались, ибо они производили стукъ.

Вначалѣ казалось невозможнымъ достать матеріалъ для устройства ломовъ. Наконецъ, мнѣ пришла идея использовать части желѣзной кровати. Послѣ осмотра кровати выяснилось, что отъ кровати можно оторвать желѣзную пластинку, длиною около 1/2 ф., 3 1/2 сантиметра шириною и 2 сантиметра толщины.

За деньги удалось пріобрѣсти небольшой молотокъ. При помощи раскаливанія въ печкѣ молотка, одинъ

конецъ планки былъ заостренъ. Для устройства ручки для лома я разломалъ буковый табуретъ, ножку котораго рѣшилъ примѣнить для ручки лома. Теперь у меня была планка и была ручка; являлся вопросъ, какъ ихъ соединить. Прибить гвоздями нельзя—въ планкѣ нѣтъ дыръ.

Привязать тоже не годится — не крѣпко. Тогда я рѣшилъ примѣнить и здѣсь способъ прожиганія. Одинъ конецъ планки раскалилъ и прожиганіемъ устроилъ ей гнѣздо въ серединѣ ножки табурета; затѣмъ эту импровизированную ручку такого-же лома заклепалъ при помощи клиньевъ и гвоздей. На другой конецъ ножки табурета, опять прожиганіемъ, насадилъ поперечникъ, чтобы ломъ удобно было вертѣть вокругъ его оси. Такимъ образомъ, получился идеальный инструментъ для подземныхъ работъ, производимыхъ лежа. Ни кирка, ни лопата, ни круглый ломъ здѣсь не годились. Вся работа производилась сверленіемъ.

Для другого типа лома я примѣнилъ крюкъ отъ лампы и опять ножку табурета съ поперечникомъ. Случайно удалось снять планку отъ нѣмецкой ружейной пирамиды, и ее я превратилъ въ ломъ. Изъ шкафа отвинтилъ желѣзную вѣшалку для полотенца, — тоже пустилъ въ работу. Вообще инструменты устраивалъ я изъ подручнаго матеріала, и недостатка въ нихъ не было. Если одни ломались, то на ихъ мѣсто устраивалъ новые. Заготовка инструментовъ производилась, несомнѣнно, при наблюденіи за часовыми и тянулась долго.

Такъ какъ въ канавахъ въ подпольи и въ подкопѣ начала появляться вода, то пришлось устроить настилку изъ досокъ. Въ каждой кровати находятся 4 доски. Двѣ доски оставлялись въ кровати, а 2 пускались въ работу. Такъ какъ этихъ досокъ не хватало, то на доски пришлось разбирать нѣмецкіе шкафы,

столы, табуреты,—все исчезало въ нашемъ подкопѣ. Обстановка въ нѣмецкой солдатской казармѣ богатая, и эти исчезновенія не бросались въ глаза, тѣмъ болѣе, что наличіе комнатной обстановки не провѣрялось.

Работа въ подкопѣ подвигалась впередъ медленно, была мучительна и требовала огромнаго терпѣнія и настойчивости. Нѣкоторые участники рѣшили, что безнадежно ждать окончанія подкопа и начали вести приготовленія для побѣга черезъ проволоки. Изъ досокъ сдѣлали щиты. Щиты эти предполагали накинуть поверхъ проволочныхъ заграждeній и подъ носомъ часового перескочить. По мнѣнію большинства, расчеты ихъ были неправильны, а самое главное—они выдавали насъ, такъ какъ при попыткѣ побѣга начнутся обыски и могутъ открыть нашъ подкопъ. Мы, смотря на ихъ приготовленія, волновались и, наконецъ, съ трудомъ уговорили ихъ ждать окончанія подкопа. Между тѣмъ, дѣла въ подкопѣ съ каждымъ днемъ начали идти хуже и хуже. Подкопъ заливался водою. Вода капала отовсюду. Въ началѣ лежать приходилось въ сплошной водѣ. Потомъ подъ настилкою устроены были колодцы, куда и собиралась вода; оттуда она вычерпывалась и въ кувшинахъ выносилась во дворъ и выливалась въ очко водоотвода. Но постепенно вода начала прибывать и, наконецъ, залила подкопъ. Пришлось искать соединенія съ другою группою подкопщиковъ, у которыхъ, по имѣвшимся у насъ свѣдѣніямъ, дѣла шли тоже очень медленно, но подкопъ ихъ не заливала вода. Подкопъ этотъ (№ 2) велся изъ другого барака. Чтобы достичь соединенія былъ пущенъ слухъ, что нашъ подкопъ (№ 1) почти готовъ, и что на дняхъ у насъ состоится побѣгъ. Подкопщики № 2, у которыхъ было сдѣлано подкопа очень мало, заволновались и теперь сами предложили намъ поступить въ ихъ группу и помочь имъ докончить подкопъ, которымъ всѣмъ и бѣжать.

Мы этого только и хотѣли. Главное достоинство 1-го подкопа (который былъ начатъ почти одновременно со 2-мъ) заключалось въ безопасномъ выходѣ, чѣмъ страдалъ второй подкопъ. Выходъ этотъ долженъ былъ быть проведеннымъ въ необитаемое, строющееся зданіе, и при помощи его изъ лагеря можно было выходить хоть днемъ.

Во второй подкопъ рѣшено было перенести всѣ наши инструменты, а нашъ подкопъ забить и задѣлать входъ изъ комнаты. Инструменты остались въ концѣ подкопа, а подкопъ былъ залитъ водою. Достать инструменты вызвался „Панъ“ (прозвище), который раздѣлся до нага, поплылъ подъ землею и досталъ инструменты.

XI.

Подкопъ № 2.

Работа во 2-мъ подкопѣ закипѣла; шла почти непрерывно днемъ и ночью,—только въ опредѣленные часы вылѣзали на нѣмецкіе повѣрки. Смѣна рабочихъ здѣсь состояла изъ 5-ти человѣкъ. Разницы въ устройствѣ между первымъ и вторымъ подкопомъ почти не было; только 1-й подкопъ былъ болѣе тѣснымъ и, что бы попасть въ его подземный тоннель, надо было изгибаться змѣей. Здѣсь-же входъ и выходъ въ колодецъ, глубиною 4 аршина, со дна котораго шелъ подкопъ, производился довольно оригинальнымъ способомъ—вы спускались и вылѣзали оттуда по веревкѣ. Изъ комнаты вы попадаете въ подполье, здѣсь по рву ползете на животѣ около 20-ти шаговъ и доходите до колодца. Надъ колодцемъ, въ нижней части пола ввинченъ крюкъ, на которомъ виситъ веревка. Вы хватаетесь за веревку и по ней спускаетесь на дно колодца; здѣсь, изогнув-

шись змѣёю, вы попадаете уже въ самый подземный тоннель.

Другой особенностью 2-го подкопа былъ мягкій грунтъ. Хотя между подкопами было всего 60 шаговъ, но разница въ грунтѣ на глубинѣ сажени была большая. Мягкій грунтъ былъ тѣмъ опасенъ, что въ немъ случались обвалы комковъ земли до 2-хъ пудовъ вѣсомъ. Вы лежите на боку и копаете, вдругъ вамъ на ноги или туловище обваливается огромный комъ земли. Вы, не смѣя шевельнуться, лежите и тихонько смотрите, будетъ-ли продолжаться обвалъ? Все тихо. Вы осторожно освобождаете себя изъ-подъ земли, собираете обвалившуюся землю, выносите ее, и работа продолжается дальше. Въ другой разъ вы спасаетесь быстротою и пулею вылетаете изъ тоннеля. Затѣмъ, нѣкоторая борьба съ истинктомъ самосохраненія, и вы опять лѣзете въ подземелье. Вначалѣ пугала мысль быть заживо погребеннымъ, но позже къ обваламъ привыкли и особаго вниманія на нихъ не обращали. Несомнѣнно, было жутко, когда во время обваловъ потухала свѣча и наступала томительная темнота. Тѣсно, повернуться кругомъ нельзя; приходится выползать на животѣ ногами впередъ, по способу рака. Отъ волненія вы начинаете усиленно дышать, а дышать нечѣмъ—не хватаетъ воздуха!..

Противъ обваловъ принимали средства, дѣлали подпорки. Ставить подпорки было очень трудно. Досокъ достать негдѣ было, и пришлось примѣнять части шкафовъ и столовъ. Матеріалъ для подпорокъ нуженъ опредѣленнаго размѣра; заготовленіе матеріала, въ особенности постановка подпорокъ,—отнимала много времени и нервовъ.

Всеже, послѣ соединенія рабочихъ обоихъ подкоповъ, работы пошли очень быстрымъ темпомъ. Въ одну изъ холодныхъ январьскихъ ночей насъ работала смѣна

въ 5 человѣкъ. Залѣзли въ подполье въ $10^1/_2$ часовъ вечера и рѣшили заняться чисткою подкопа. Грязь всюду стояла очень большая, ползти можно было съ большимъ трудомъ, буквально завязали въ ней. Рабочій, который находился въ концѣ подкопа, накладывалъ эту грязь въ мѣшокъ, другой, ползя на животѣ, ногами впередъ, пятился ракомъ, тащилъ мѣшокъ до колодца и вкладывалъ его въ веревочную петлю, третій, лежа надъ колодцемъ веревкою вытаскивалъ мѣшокъ въ подполье; четвертый тащилъ мѣшокъ 35 шаговъ по канавѣ подполья и передавалъ мнѣ. Въ эту ночь моей обязанностью было выгребать землю изъ мѣшка и укладывать въ подпольи. Тѣсно, ровъ узокъ, къ ногамъ подается мѣшокъ, большого труда стоитъ протянуть мѣшокъ съ землею мимо туловища. Обыкновенно приходилось не мѣшку проходить мимо меня, а я проползалъ назадъ поверхъ мѣшка и, толкая его передъ собою, дотаскивалъ до конца рва. Здѣсь развязывалъ и очищалъ мѣшокъ отъ глинистой тягучей грязи.

Поднять для вытряхиванія мѣшокъ нельзя. Надо мною полъ. Держа руки впереди головы, по горстямъ достаю глину и умѣщаю ее до самаго пола, не оставляя ни одной свободной щели. Мѣсто, куда укладывалась земля изъ подкопа, было ограничено, и въ размѣщеніи земли приходилось быть очень экономнымъ, въ противномъ случаѣ могло случиться, что подкопъ еще не будетъ оконченъ, а дѣвать землю—некуда.

Работать въ январьскую ночь въ подпольѣ было очень холодно; члены коченѣли; отъ выгребанія изъ мѣшка глины изъ-подъ ногтей показалась кровь, пальцы опухли, а тутъ еще пугаютъ шаги часового. Я лежу съ одной стороны фундамента; а съ другой ходятъ по двору часовые. Шаги и кашель часового слышны мнѣ ясно. Въ подкопѣ мои товарищи хохочутъ, какъ сумасшедшіе. Отъ утомленія ихъ разбираетъ

безпричинный истерическій хохотъ, остановить который невозможно.

Въ подкопѣ кто-то задалъ вопросъ: „Если нѣмцы откроютъ подкопъ, кого они пустятъ сюда для осмотра? Никто изъ нихъ не пролѣзетъ: всѣ они пузатые, толстые, а у насъ нужно изгибаться змѣею“. Всѣ тогда сошлись на томъ, что въ подкопъ будетъ пущенъ Петръ Ивановичъ. Петръ Ивановичъ — это прозвище одного ландштурмиста, маленькаго роста, лѣтъ 36, но безъ усовъ и бороды, съ совершенно женоподобнымъ лицомъ.

Петромъ Ивановичемъ его назвали потому, что въ немъ нашли большое сходство съ Гоголевскимъ Петромъ Ивановичемъ Бобчинскимъ. Нѣмецкій Петръ Ивановичъ тоже всѣмъ интересовался, все зналъ и видѣлъ. Онъ служилъ соглядатаемъ и шпіономъ среди насъ и, какъ маятникъ, по цѣлымъ часамъ ходилъ изъ комнаты въ комнату. Онъ приносилъ намъ газеты, письма и, слѣдовательно, всѣмъ былъ нужнымъ и даже желаннымъ человѣкомъ. Правда, за каждое принесенное письмо онъ усердно собиралъ марки (деньги), но на это никто не обижался, и мы готовы были платить хоть по 2 марки, чтобы только получить письмо. Онъ зналъ свою кличку и на нее отзывался. Стоило ему показаться во дворѣ съ пачкою писемъ, какъ къ нему со всѣхъ сторонъ неслось: „Петръ Ивановичъ, мнѣ письмо, мнѣ письмо“. Если онъ для васъ имѣлъ письмо, то еще издали улыбался, и по улыбкѣ вы догадывались, что вамъ есть письмо и сами невольно начинали улыбаться. Почувствовавъ въ своей рукѣ марку, Петръ Ивановичъ расплывался въ еще болѣе сладкую улыбку. И вотъ этому Петру Ивановичу въ тотъ же день суждено было первымъ изъ нѣмцевъ попасть въ нашъ подкопъ. Ночная смѣна закончила работу въ 9 час. утра, и бодрые, несмотря на усталость, вылѣзла. Въ 10 часовъ повѣрка.

Въ 12 часовъ обѣдъ. Послѣ обѣда ночная смѣна должна была опять продолжать работу и сдѣлать настилку подкопа.

XII.

Неудача.

Пообѣдавъ и захвативъ подъ шинель грязную одежду для работы, я направился въ баракъ, гдѣ былъ подкопъ.

На дворѣ, во главѣ караула обгоняетъ меня комендантъ; онъ быстрыми шагами съ взволнованнымъ лицомъ мчится съ солдатами въ ту комнату, гдѣ у насъ подкопъ.

Я сразу все понялъ, силы оставили меня, одежда вывалилась изъ рукъ, и я не могъ сойти съ мѣста. Сейчасъ откроютъ подкопъ, мелькало у меня въ головѣ. Я схватилъ грязную одежду и помчался въ комнаты другого барака,—предупредить товарищей. Куда дѣвать грязную одежду? Сунулъ въ горящую печку. Въ комнатѣ—вонь, и одежду изъ печки я выбрасываю въ коридоръ, прикрывая ее бумагою. Сидимъ въ комнатѣ и поглядываемъ другъ на друга. Кто-то пробѣгаетъ по корридору и кричитъ, что въ лагерѣ съ 2-хъ концовъ начался обыскъ. На дворѣ по лицу коменданта я замѣтилъ, что ему все извѣстно. Гдѣ-то глубоко таилась еще надежда, что, можетъ быть, подкопа не откроютъ.

Проходятъ томительныя минуты ожиданія и неизвѣстности. Въ комнатѣ тихо, тихо. По корридору раздаются чьи-то нервные шаги и голосъ: „Подкопъ обнаружили! Одного уже повели“. Наступаетъ жуткая тишина. Въ умѣ проносится будущее: надежда уйти изъ неволи рухнула. Опять безконечно долгіе дни

тюрьмы; допросъ, насмѣшки. А главное обидно, что и здѣсь они насъ побѣдили; сознаніе это приводитъ въ бѣшенство.

Надежда побѣгомъ отомстить нѣмцамъ за всѣ оскорбленія рухнула. Враги торжествовали.

Самое открытіе подкопа произошло слѣдующимъ образомъ. Входъ изъ комнаты въ подполье маскировался лабиринтомъ составленныхъ шкафовъ и кроватей.

Самъ входъ находился подъ кроватью въ углу и закрывался крышкою. Комендантъ сразу направился въ ту комнату, гдѣ былъ подкопъ. Войдя въ комнату, комендантъ указывая на уголъ, гдѣ былъ входъ въ подполье, спросилъ:—„Что у васъ въ этомъ углу?“ —„Ничего“, отвѣтили ему. Комендантъ приказалъ обыскать уголъ. Въ это время изъ-подъ земли раздается голосъ работавшаго тамъ офицера:—„Кто—тамъ, подайте мнѣ доску“—„Heraus!“ (вылѣзай)—закричалъ страшнымъ голосомъ комендантъ. Изъ-подъ земли появляется облипшее глиною чудище. Его хватаютъ солдаты и уводятъ въ городскую тюрьму. Комендантъ мечется, какъ сумасшедшій.—„Кто старшій въ комнатѣ?“ кричитъ комендантъ. Въ это время около коменданта въ дымовой трубѣ раздается взрывъ. Всѣ нѣмцы вздрогнули и выпучили глаза. Ждутъ, не будетъ-ли второго взрыва.

Это взорвалась грязная бутылка съ пивомъ, которую, не зная куда дѣвать, передъ приходомъ коменданта засунули въ дымовую трубу. Начались аресты. Всего арестовано было 7 человѣкъ, которыхъ заперли въ одиночныя камеры городской тюрьмы.

Какъ мы и предполагали, первымъ изъ нѣмцевъ въ нашъ подкопъ былъ засаженъ Петръ Ивановичъ. Изъ подкопа вытащили наши инструменты и одежду. Начали снимать подпорки. При видѣ нашихъ сооруженій нѣмцы хватались за головы и повторяли: „Рус-

скія свиньи, что надѣлали?.. Въ такой грязи только русскія свиньи и могутъ копошиться". Для усиленія караула и производства повальнаго обыска изъ сосѣдняго города было вытребовано 50 ландштурмистовъ. До пріѣзда ландштурмистовъ комендантъ ходилъ съ тревожнымъ лицомъ и, видимо, опасался открытаго нападенія съ нашей стороны. У насъ же была новая забота: необходимо было во чтобы-то ни стало задѣлать входъ въ 1-й подкопъ.

Рѣшено было принять всѣ мѣры, чтобы скрыть существованіе 1-го подкопа, такъ какъ открытіе его нѣмцами повлечетъ за собою новые аресты. Когда обыскъ шелъ въ комнатѣ, изъ которой производился этотъ подкопъ, мы всѣ страшно волновались. Вотъ нѣмцы подошли уже къ углу, гдѣ раньше существовалъ у насъ входъ въ подземелье. Отодвигаютъ для осмотра кровать, вдругъ съ кровати падаетъ „Жукъ" — деревянная снималка для сапогъ — и ложится какъ разъ на соединеніе прорѣзанныхъ досокъ и прикрываетъ отъ взоровъ нѣмцевъ предательскій шовъ.

Мы стоимъ ни живы ни мертвы. Подслѣповатый фельдфебель въ очкахъ наклонился, посмотрѣлъ въ упоръ, задвинулъ опять кровать и отошелъ. „Жукъ" какъ разъ во время спасъ нашъ подкопъ. Соединеніе досокъ въ прорѣзанномъ мѣстѣ выдѣлялось очень сильно; снималка легла, какъ будто наставленная чьей-то рукой, именно на прорѣзь и прикрыла ее. Послѣ этого снималка „Жукъ" втеченіе 7 послѣдующихъ мѣсяцевъ была хранителемъ нашего подкопа, и ее не снимали съ этого мѣста.

Такъ какъ при обыскѣ выстукивали полъ, рѣшили, чтобы не выдалъ насъ звукъ, устроить въ входномъ отверстіи въ подкопъ нижній полъ и между обоими полами дать прослойку каменнаго угля. Часовые усиленно наблюдали за нашей комнатою. Пришлось при-

думать новый способъ работы: подъ одѣяломъ рѣзать доски для нижняго пола. Наконецъ, доски готовы, каменный уголь—тоже. Одинъ ложится подъ кровать, снимаетъ покрышку входного отверстія и вставляетъ доски для нижняго пола, засыпаетъ углемъ, вставляетъ верхній полъ. Въ комнату входятъ нѣмцы. Торчащія изъ-подъ кровати ноги едва успѣли прикрыть табуретомъ съ шинелью. Мучительная минута... Нѣмцы уходятъ, работа продолжается. Верхній полъ нужно забить гвоздями.

Молотокъ нашъ пропалъ вмѣстѣ съ подкопомъ. Забиваемъ бутылкою. Одинъ ударъ въ 20 минутъ. Въ комнатѣ въ это время шумятъ. Наконецъ, все готово. Соединеніе досокъ замазали хлѣбомъ, покрасили красками и запылили. Вечеромъ пріѣхали ландштурмисты,—на завтра предстоялъ новый обыскъ. Комендантъ явился въ комнату, гдѣ былъ 1-й подкопъ, созвалъ офицеровъ и говоритъ: „Я знаю, что въ вашей комнатѣ имѣется подкопъ, сознайтесь“.—„Ищите, подкопа у насъ нѣтъ“, отвѣтили ему.

Начался обыскъ. Полъ моютъ и выстукиваютъ. Мѣсто, гдѣ была прорѣзь въ полу, мы заставили шкафами. Очередь осмотра дошла до входа въ подкопъ. Отодвинули шкафы.

Нѣмецкій фельдфебель приказываетъ французскому солдату мыть полъ. Послѣдній, зная о нашемъ подкопѣ, растерялся, стоитъ блѣдный, ни живъ, ни мертвъ.

— „Мойте же полъ“,—повторяетъ фельдфебель. Тутъ нашелся другой французъ, выхватилъ у растерявшагося воду и хлестнулъ въ уголъ цѣлое ведро воды. —„Что вы дѣлаете, свиньи, разводите грязь“,—закричалъ фельдфебель, осмотрѣлъ уголъ своими близорукими глазами и ничего не замѣтилъ. Фельдфебель приказалъ постучать въ углу, французъ ударилъ концомъ метлы

въ цѣльныя доски, звукъ получился нормальный. Послѣ этого, нѣмцы уже сами заставили уголъ шкафами и отошли. Подкопъ былъ спасенъ. Нѣкоторые изъ насъ во время осмотра угла такъ волновались, что ихъ пришлось вывести изъ комнаты. Ничего не найдя въ комнатѣ, нѣмцы начали злиться. Самъ комендантъ метался по комнатѣ и во всякую щель пола засовывалъ остріе шашки и наконецъ приказалъ отрывать полъ. Пришли рабочіе съ инструментами. Къ нашему счастью полъ начали отрывать на серединѣ комнаты, а не подъ шкафами. Съ большимъ трудомъ, поломавъ свои инструменты, оторвали верхнія доски; подъ ними оказалась въ цѣлости прослойка каменнаго угля.

Нѣмцы выругались и задѣлали оторванныя доски.

Было еще нѣсколько обысковъ, но всѣ съ тѣмъ же результатомъ.

Захвативъ во 2-мъ подкопѣ мою грязную одежду, комендантъ объявилъ меня арестованнымъ и учинилъ допросъ. Я сказалъ, что не понимаю по нѣмецки, и допросъ происходилъ черезъ переводчика. Комендантъ задаетъ вопросы переводчику, а я, понимая по-нѣмецки, готовлю уже отвѣтъ. Свалилъ всю вину на своего товарища, который былъ уже арестованнымъ. Мое объясненіе удовлетворило коменданта, и я остался въ лагерѣ.

Арестованные содержались въ городской тюрьмѣ и къ нимъ въ полной мѣрѣ примѣняли арестантскій режимъ. Пищу давали арестантскую, запрещали курить, разсадили по одиночнымъ камерамъ. Примѣняли по отношенію къ нимъ жестокія мѣры наказанія, заковывали за спиною руки въ кандалы, на ночь не отпирали отъ стѣны арестантскихъ наръ и заставляли спать на бетонномъ полу. За стѣною сидѣли уголовные преступники, которые стуками сообщали арестованнымъ

свои біографіи: нѣкоторые изъ нихъ жили въ этой тюрьмѣ уже 20 лѣтъ.

У коменданта лагеря заговорила совѣсть, и онъ предложилъ собрать среди офицеровъ деньги, на которыя арестованные могли бы улучшить свое положеніе. Деньги были собраны и переданы.

Послѣ открытія подкопа жизнь въ лагерѣ какъ бы замерла. Мы, участники подкопа, оставшіеся на свободѣ, въ особенности тосковали. Раньше у насъ была идея и было реальное осуществленіе этой идеи—подкопъ, который занималъ все наше свободное время. Теперь въ эту идею, кромѣ меня, никто не вѣрилъ, и чтобы не растравлять ранъ, всѣ избѣгали объ этомъ говорить. Раньше мы привыкли, что все наше время было занято, если не работою въ подкопѣ, то приготовленіемъ одежды и инструментовъ, теперь мы положительно не знали, какъ убить время. Вынужденное ничего недѣланіе утомляло мозгъ сильнѣе, чѣмъ работа. Постоянные обыски грозили, что въ концѣ концовъ и 1-й подкопъ будетъ открытъ. Комендантъ свирѣпствовалъ и ругался, что не можетъ найти скрытый подкопъ. На требованіе признаться мы отвѣчали отрицательно и приводили доводъ, что устраивать для побѣга изъ одного лагеря 2 подземныхъ хода,—совершенно лишнее, что для побѣга хоть всего лагеря вполнѣ достаточно одного подкопа. Послѣдній аргументъ кажется убѣдилъ коменданта, и обыски прекратились. Всеже комната № 8, въ которой существовалъ входъ въ подземелье осталась въ сильномъ подозрѣніи и за нею было установлено строгое наблюденіе.

Комендантъ собралъ полковниковъ лагеря и потребовалъ, чтобы они дали честное слово, что молодые офицеры больше не будутъ дѣлать попытокъ къ побѣгу. Коменданту отвѣтили, что вернуться подъ зна-

мена—долгъ всякаго офицера, и никакого слова дано не будетъ.

Нѣмцы ввели ночныя повѣрки. Ночью отъ 3 до 5 разъ въ комнату приходили нѣмецкіе солдаты, каждаго въ кровати освѣщали электрическимъ фонаремъ и всѣхъ пересчитывали. Если вы закрывали голову одѣяломъ, то поднимали одѣяло и туда свѣтили. Во время прихода солдатъ ночью, т. е. черезъ каждые $1^1/_2$ часа или отъ стука, или отъ сильнѣйшаго свѣта, который каждый разъ направлялся вамъ прямо въ глаза, вы по неволѣ мучительно просыпаетесь. Эта ночная пытка свѣтомъ, въ особенности при помощи ацетиленновыхъ велосипедныхъ фонарей, была очень тонко придумана. Худшаго наказанія они, пожалуй, и не могли придумать.

Во время обысковъ отобрали перочинные ножики, бритвы, ножницы для ногтей и штатское платье. Изъ всего штатскаго костюма мнѣ съ большимъ трудомъ удалось отстоять одни брюки. Лейтенантъ колебался, снимать съ меня брюки или нѣтъ. Я объяснилъ, что видѣть меня на повѣркѣ безъ брюкъ, я надѣюсь, не доставитъ ему особаго удовольствія. Лейтенантъ съ этимъ согласился и оставилъ брюки на мнѣ. Кромѣ брюкъ у меня ничего не было. И въ такомъ видѣ приходилось выходить во дворъ для повѣрокъ въ холодный январь. Плѣнные офицеры начали волноваться, что насъ безъ одежды заставляютъ выходить на повѣрку. Нѣмцы болѣе всего боялись открытаго съ нашей стороны выступленія и черезъ $1^1/_2$ мѣсяца вернули отнятое платье, нашивъ на него предварительно блестящія пуговицы, красные канты, петлички и погоны. На штатскую фуражку или шляпу кругомъ была нашита широкая красная лента. За всѣ эти нашивки пришлось хорошо заплатить нѣмецкому портному.

Однажды комендантъ, не говоря для какой цѣли,

затребовалъ отъ всѣхъ офицеровъ свѣдѣнія, гдѣ кто родился. Такъ какъ подобныя свѣдѣнія и раньше собирались, то мы и написали, что кому пришло въ голову. Одни писали по мѣсту стоянки полка, другіе по мѣсту жительства и т. д. Черезъ 2 дня приходитъ фельдфебель съ какимъ-то спискомъ, вызываетъ фамиліи записавшихся уроженцами Польши и приказываетъ имъ переселиться въ отдѣльный баракъ. На наши удивленные вопросы, онъ отвѣчаетъ, что изъ Берлина пришло распоряженіе, выдѣлить поляковъ въ отдѣльный баракъ.

Ему объяснили, что $^{9}/_{10}$ переселяемыхъ не поляки, а чисто русскіе. Фельдфебель отвѣтилъ, что ему приказано сдѣлать, значитъ и должно быть исполнено. Кто русскій, кто полякъ—онъ не знаетъ, а не желающихъ перейти—выселитъ силою. При этомъ фельдфебель съ лукавымъ лицомъ объяснилъ, что переселяемымъ полякамъ будетъ лучше житься, что изъ Берлина приказано дѣлать имъ послабленія и улучшить ихъ бытъ. Офицеры обратились къ коменданту и объяснили, что они не поляки и что не желаютъ, чтобы ихъ отрывали отъ товарищей. Комендантъ остался непреклоннымъ и отъ себя обѣщалъ льготы. Мнимыхъ поляковъ, вмѣсто 20-ти человѣкъ въ комнатѣ, помѣстили по 8—10. Давали больше угля и керосина.

Комендантъ и фельдфебель каждый день удостаивали ихъ своимъ посѣщеніемъ. Баракъ этотъ получилъ названіе „польскаго кола“. Они имѣли право жечь лампу не до 10 час. вечера, а до 11. Комендантъ въ своихъ разговорахъ о Польшѣ не встрѣчалъ со стороны „поляковъ“ сочувствія и видимо не зналъ, что дѣлать дальше съ „польскимъ коломъ“ и впослѣдствіи оставилъ „коло“ въ покоѣ.

Позже хотѣли выдѣлить уроженцевъ юго-западнаго края и составить группу „украинцевъ“. Но наученные

опытомъ, никто изъ уроженцевъ юго-западнаго края не записался, и комендантъ сообщилъ въ Берлинъ, что „украинцевъ“ у него нѣтъ.

Однажды мы были еще больше удивлены полученіемъ изъ Берлина на русскомъ языкѣ газеты „Русскія Извѣстія“ (The Continental Times). Въ оглавленіи большими буквами было напечатано: „Безпартійная, нейтральная газета“. Газета эта выходила въ Берлинѣ и издавала специфическій, тевтонскій запахъ. Передъ нами она раскрыла карты нѣмцевъ.

Не найдя побѣды въ открытомъ бою и будучи дальновидными, они рѣшили изъ-за угла достигнуть побѣды. Притворились наивными, объявили себя друзьями русскихъ и, для пользы плѣнныхъ, вмѣсто хлѣба, начали давать имъ газету. Мы вначалѣ думали, что, какъ и соломенную муку, газету придется жевать, такъ какъ читать ее было очень трудно. Переваривать-же ее было еще тяжелѣе, чѣмъ хлѣбъ К. К.

Другіе говорили, что этою нейтральною газетою нѣмцы рѣшили безкровнымъ путемъ сдѣлать харакири всѣмъ плѣннымъ. Ушаты помоевъ, выливаемые въ газетѣ на русскихъ, служили намъ слабительнымъ послѣ хлѣба К. К. Книги берлинскаго изданія (русскіе), распространяемыя среди плѣнныхъ, были тоже не лучшаго содержанія. Злоба и презрѣніе къ русскимъ, таившіяся въ Германіи втеченіе сотни лѣтъ, теперь обильно выливаются на плѣнныхъ. Несмотря на поощренія коменданта и плату 26 коп. въ мѣсяцъ, на газету никто не подписывался, и она присылалась изъ Берлина въ каждый лагерь даромъ.

XIII.

Снова за работу.

Жизнь въ лагерѣ опротивѣла до послѣдней степени. Мнѣ безконечно хотѣлось провести нѣмцевъ, и я,

во время безсонныхъ ночей, началъ обдумывать новый планъ побѣга. Послѣ открытія подкопа, охрана лагеря усилилась. Увеличили число часовыхъ, слѣдили за поломъ, не дѣлается ли подкопа, и каждый день 2 раза, когда мы уходили на повѣрку, осматривали наши комнаты. Но это насъ не пугало. Мы были увѣрены, что проведемъ нѣмцевъ. Главная задержка была теперь въ отсутствіи молотка, безъ котораго немыслимо было сдѣлать новые инструменты. Опредѣленной комнаты, откуда вести подкопъ у насъ не было. Послѣ открытія 2-го подкопа, новыя работы рѣшили скрыть отъ всѣхъ; для этого нужна была отдѣльная комната.

Пока шла заготовка инструментовъ, матеріала.

Долго я ломалъ голову, какъ достать нужный молотокъ.

Къ моей радости въ одинъ прекрасный день въ лагерь приходитъ нѣмецкій рабочій въ сопровожденіи часовыхъ.

У рабочаго я замѣтилъ молотокъ, который рѣшилъ стащить. Молотокъ имѣлъ гнѣздо для вытаскиванія гвоздей, что для меня было очень кстати. Накинувъ на плечи солдатскую шинель, я все время верчусь около рабочаго; послѣдній молотка не выпускаетъ изъ рукъ. Стащилъ нѣсколько гвоздей, а молотокъ не удается. Наконецъ я улучилъ моментъ, когда рабочій, положивъ молотокъ, отвернулся; я спряталъ молотокъ подъ шинель. Рабочій, не оборачиваясь, протягиваетъ за молоткомъ руку и не можетъ найти,—молотка нѣтъ. Онъ обернулся и удивленный смотритъ на меня, а я на него. Всѣ поиски молотка были безрезультатны: я успѣлъ закопать молотокъ въ землю. Когда все успокоилось, имѣя въ рукахъ молотокъ, я приступилъ къ заготовкѣ ломовъ. Стучать было опасно. Одинъ ударъ приходилось производить чуть не въ $^1/_2$ часа, такъ какъ непрерывный стукъ обратилъ бы вниманіе

часовыхъ. Накинувъ на себя шинель и поставивъ для охлажденія раскаленнаго желѣза ведро съ холодною водою около печки, я приступалъ къ кузнечному дѣлу. Желѣзо накалялось въ печкѣ, а если приходилъ кто-нибудь въ комнату, то остудивъ желѣзо въ водѣ, я пряталъ его подъ шинель. Устанавливать изъ окна наблюденіе я боялся, это могло обратить вниманіе нѣмцевъ. Вся работа производилась на слухъ. Услышавъ около дверей чьи-нибудь шаги, я прекращалъ работу и пряталъ подъ шинель. Однажды дверь неслышно открывается и является нѣмецъ, печка отъ него заслонена моимъ туловищемъ. Я выхватилъ раскаленное желѣзо и, не опуская его въ воду, спряталъ подъ шинель. Тотчасъ-же я почувствовалъ нестерпимую боль въ колѣнѣ и гарь. Но продолжаю сидѣть у печки, какъ ни въ чемъ не бывало. Ландштурмистъ Петръ Ивановичъ принесъ газету, положилъ ее на столъ и, потянувъ носомъ, ушелъ. Раскрываю шинель и вижу, что одежда на ногѣ и шинель прожжены насквозь.

Комнаты для подкопа не было. Никто не хотѣлъ уступить комнату, такъ какъ не вѣрилъ, что при томъ наблюденіи, какое за нами было установлено и обыскахъ, можно вторично сдѣлать подкопъ.

Наконецъ одинъ изъ нашихъ доблестныхъ полковниковъ предложилъ свою комнату для подкопа. Наученные опытомъ, мы рѣшили отъ всѣхъ скрывать работу. Полковникъ жилъ одинъ въ маленькой комнатѣ, въ которой около самыхъ входныхъ дверей стояла желѣзная печка. У печки къ полу былъ привинченъ толстый желѣзный листъ, который предохранялъ полъ отъ выпадающихъ изъ печки углей. Подъ этимъ желѣзнымъ листомъ и рѣшено было продѣлать входъ въ подполье. Соединеніе прорѣза досокъ въ полу будетъ прикрываться желѣзнымъ, привинченнымъ къ полу, листомъ, и ни одному нѣмцу не придетъ въ голову

отвинчивать листъ и около самыхъ входныхъ дверей искать входа въ подземелье.

Отвинтилъ я листъ и началъ прорѣзывать полъ. Работа эта, чтобы не привлекать вниманія нѣмцевъ, велась безъ наблюденія за ними. Прорѣзываніе производилось слѣдующимъ образомъ: лѣвой рукой приподнимаю край желѣзнаго листа, а правую съ ножомъ подвожу подъ листъ и рѣжу полъ. Малѣйшій звукъ шаговъ въ корридорѣ, или открываніе дверей въ сосѣдней комнатѣ,—и я опускаю листъ. Прорѣзь прикрыта, и я, какъ ни въ чемъ не бывало, сижу уже у стола, или прячусь въ шкафъ. Листъ на полу былъ толстый и, даже если на него наступить, онъ не прогибается. Всеже совершенно безъ риска такая работа обойтись не могла такъ, напримѣръ, разъ какъ-то увлекся я работой, не услышалъ, какъ открылась дверь въ корридоръ, и замѣтилъ опасность только тогда, когда у самыхъ дверей раздались шаги и стукъ въ дверь. Я хочу вытащить ножъ изъ прорѣзи, а ножъ застрялъ; листъ пришлось опустить на ножъ и самому скорѣе отскочить къ столу. Листъ однимъ концомъ легъ на ножъ и отдѣлился отъ пола. Не успѣлъ я сѣсть у стола, какъ въ комнату вошелъ Петръ Ивановичъ и, проходя мимо печки, одной ногой наступилъ на листъ, который качнулся и издалъ дребезжащій звукъ. Я чуть не бросился на нѣмца. Думалъ, что все пропало, но онъ, стуча по полу своими сапожищами, ничего не услышалъ. Положивъ газету на столъ, онъ уходитъ, опять наступаетъ на листъ, который подскакиваетъ отъ пола. У меня сердце остановилось... Но дверь за нимъ закрылась, и я облегченно вздохнулъ.

Работа была очень медленная и нервная, такъ какъ при малѣйшемъ стукѣ приходилось прекращать ее и прислушиваться. Мои товарищи удивлялись, почему я такъ похудѣлъ, пожелтѣлъ и все время нервничаю.

До окончанія прорѣзки пола своимъ товарищамъ я ничего не говорилъ, а хотѣлъ потомъ сразу ихъ обрадовать.

Пока у меня шла заготовка инструментовъ и прорѣзка пола,—это было въ концѣ марта,—надъ арестованными былъ назначенъ военный судъ, который долженъ былъ происходить въ одномъ изъ бараковъ нашего лагеря. Военный судъ, засѣдавшій въ нашемъ лагерѣ, не предвѣщалъ ничего хорошаго. Только что подъ усиленнымъ конвоемъ ввели нашихъ товарищей въ залъ суда, какъ одинъ изъ судей, молодой германскій лейтенантъ, накинулся на подсудимыхъ:

— „Мнѣ противно видѣть ихъ лица, для меня оскорбителенъ ихъ смѣхъ“,—привѣтствовалъ арестованныхъ нѣмецкій лейтенантъ.

Дѣло въ томъ, что арестованные, увидѣвъ своихъ товарищей, улыбнулись, что, навѣрно, и было принято на свой счетъ лейтенантомъ. Посторонній наблюдатель, если-бы онъ присутствовалъ на судѣ, дѣйствительно расхохотался бы, но арестованнымъ было не до смѣха. На судѣ должны были быть разобраны, не только наше дѣло, но и другія аналогичныя преступленія: фигурируютъ ломы различныхъ системъ, грязная одежда, воздушный насосъ. Пять нѣмецкихъ офицеровъ съ прокуроромъ во главѣ разыгрываютъ комедію и стараются разыграть ее съ возможно большею помпою и трагизмомъ. Но ихъ, видно, не интересуетъ разборъ сути дѣла—подкопа, они заранѣе рѣшили осудить,—въ противномъ случаѣ вѣдь, самое засѣданіе суда являлось-бы нелѣпостью, такъ какъ по Гаагской конвенціи, которую подписали сами германцы, *побѣгъ, если онъ не былъ сопряженъ съ нападеніемъ на часовыхъ, не наказывается.* У насъ нападенія на часовыхъ не было, не было и самаго побѣга, а только приготовленіе къ нему и, слѣдовательно, по международнымъ законамъ наши товарищи даже не могли быть преданы суду. А если

назначенъ былъ судъ, то значитъ,—заранѣе рѣшено было не придерживаться закона, т. е. рѣшено было осудить. На судѣ большинство вопросовъ задавалось совершенно не относящихся къ дѣлу. Судьи спрашивали, когда въ Россіи началась мобилизація, почему Россія объявила Германіи войну?? Почему въ Восточной Пруссіи сожжены деревни и т. д. Разговоры эти продолжались 7 часовъ, а въ результатѣ былъ вынесенъ обвинительный приговоръ, которымъ обвиняемые осуждались на 4—6 мѣсяцевъ тюрьмы. Прокурору показалось этого мало и онъ заявилъ протестъ. Черезъ 2 мѣсяца должно было состояться второе судоразбирательство.

А мы тѣмъ временемъ съ удесятеренной энергіей снова рылись въ землѣ, готовя месть нѣмцамъ. Очень удачно удалось использовать пріѣздъ въ нашъ лагерь православнаго священника: всѣ нѣмцы пошли смотрѣть богослуженіе, а я, не опасаясь ихъ прихода, усиленно рѣзалъ полъ. Въ теченіе одного богослуженія сдѣлалъ больше, чѣмъ за всю недѣлю. Нижній полъ пришлось прожигать. Увлекшись работой, я напустилъ въ комнату такой угаръ, что онъ проникъ въ корридоръ и сосѣднія комнаты. Сосѣди, думая, что начался пожаръ, забѣгали по корридору съ криками „горимъ“.

Къ счастью, пришелъ мой полковникъ и успокоилъ ихъ. Гарь чувствовалась даже на слѣдующій день.

Изъ вырѣзанныхъ досокъ были сдѣланы крышки, которыя закрывали входъ снизу и сверху и ложились на привинченныя къ полу планки. Сверху все закрывалось желѣзнымъ листомъ, который, по прежнему привинчивался къ полу и прекрасно маскировалъ наше сооруженіе.

Помощниками въ дальнѣйшихъ работахъ были выбраны трое самыхъ надежныхъ, которые, еще во время первыхъ работъ, показали себя готовыми идти на все,

не боясь ни быть заживо погребенными въ подкопѣ, ни задохнуться тамъ, отъ недостатка воздуха, ни, тѣмъ болѣе попасть въ нѣмецкую тюрьму. При установившемся за нами наблюденіи нужны были люди съ огромною выдержкою, чтобы въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ могли вести двойную игру не только съ нѣмцами, но и со своими товарищами. Въ лагерѣ никто не долженъ былъ даже догадываться о нашихъ работахъ...

Чтобы не замѣтили въ лагерѣ нашего отсутствія во время подземныхъ работъ и чтобы приходъ къ полковнику молодыхъ офицеровъ не возбуждалъ подозрѣній, рѣшено было въ подземельи работать только по одному и смѣняться 2 раза въ день. Одинъ работалъ отъ 12 до $5^1/_2$ час. и другой отъ $5^1/_2$ до $9^1/_2$ час. вечера. Въ опредѣленный часъ—въ строю затѣмъ, выбравъ моментъ, когда въ лагерѣ никто васъ не видитъ, вы заходите къ полковнику; послѣдній уже подготовилъ полъ: достаточно приподнять плиту, и вы исчезаете въ подпольи. Полъ вставляется и прикрывается желѣзнымъ листомъ.

Въ подпольи устроена раздѣвалка: на землѣ положены обрубки досокъ, собранныхъ подъ поломъ, и на нихъ послано одѣяло; кругомъ, въ нижній полъ, ввинчены крюки; между крюками натянута веревка, на которой и висятъ костюмы для работы. Тутъ же лежалъ тазъ для умыванія и кувшинъ съ водою, подаваемый изъ комнаты. Переодѣваніе въ грязную одежду было самымъ непріятнымъ изъ всей работы; въ особенности въ мартѣ и апрѣлѣ: подъ поломъ сыро, холодно, вѣтеръ воетъ въ отдушинахъ. Тѣсно, вы лежа раздѣваетесь до нага и натягиваете на себя мокрую, грязную рубашку. Вся одежда облипла глиною, одни сапоги вѣсятъ 5 пудовъ! Все гніетъ и пахнетъ...

Кругомъ ползаютъ слизняки длиною въ $^1/_4$ аршина. Со двора слышатся шаги часовыхъ и черезъ отду-

шины въ подпольи мелькаютъ ихъ тѣни. Потаенный фонарь даетъ фантастическій свѣтъ. Одѣвшись, вы ползете на животѣ 50 шаговъ до подземнаго тоннеля. Опускаетесь въ колодецъ, со дна котораго попадаете въ подземный ходъ. Въ подземельѣ вы одни. Въ началѣ было жутко. Все казалось, что какія-то тѣни ползутъ сзади васъ; вы невольно оглядываетесь,—никого нѣтъ; прислушиваетесь,—кромѣ эха шаговъ часовыхъ и гула комнатнаго шума, вы ничего не слышите. По временамъ вы слышите ясно, какъ-будто кто-то открываетъ старый входъ въ подполье. Вы ползете въ подполье,—никого нѣтъ.

XIV.

Въ старомъ тоннелѣ.

Послѣ осмотра залитаго водою перваго подкопа, рѣшили его использовать. Вѣдь, сдѣлано было его около 10 шаговъ; но являлся вопросъ, какъ удалить оттуда воду?

Мнѣ пришла идея устроить въ подпольи водоотводъ, куда можно было бы выливать изъ подкопа воду.

Водоотводъ былъ сдѣланъ изъ досокъ и установленъ по наклону почвы. Изъ подкопа вода вычерпывалась кувшинами, выливалась въ водоотводъ, изъ водоотвода по канавѣ она попадала въ городской водопроводъ. Въ теченіе 2-хъ недѣль вычерпали около 1.000 ведеръ воды, казалось,—конца ей не будетъ. Кромѣ того каждый день помимо работъ въ подкопѣ приходилось вычерпывать около 40 ведеръ воды собиравшейся въ устроенные подъ настилкою пола колодцы. Грязь была невѣроятная. Вода размывала глину.

Для работъ подъ землею,—необходимъ искусственный свѣтъ. А между тѣмъ, внутри подкопа съ самаго

начала здѣсь не горѣла свѣча. Нѣтъ воздуха, нѣтъ и свѣта. Поэтому я приступилъ къ устройству прожектора, который, будучи установленъ сзади работающаго, давалъ бы на 10—12 шаг. снопъ свѣта. У товарища было вогнутое туалетное зеркало. Досталъ ящикъ отъ посылокъ, на одинъ конецъ котораго установилъ на извѣстной высотѣ зеркало. На другомъ концѣ ящика по площадкѣ можно было передвигать подсвѣчникъ съ свѣчею и устанавливать его въ любомъ разстояніи отъ зеркала.

Свѣча при горѣніи удерживалась на одной высотѣ при помощи пружинъ и соединялась съ фокусомъ зеркала. Прожекторъ устанавливался у начала тоннеля, гдѣ свѣча еще горѣла. Но чѣмъ больше прорывали тоннель, тѣмъ труднѣе было дышать. Широко раскрывъ ротъ, вы, буквально, хватаете воздухъ, сердце работаетъ быстро, быстро. Вы задыхаетесь въ тѣсной норѣ. Думали, что дышать оттого трудно, что нѣтъ движенія воздуха. Для привода воздуха въ движеніе я устроилъ винтъ-пропеллеръ, который при помощи веревокъ приводился въ движеніе, но онъ не помогъ. Послѣ мѣсяца тяжелой работы пришли въ отчаяніе и хотѣли забросить подкопъ. Но рѣшили сдѣлать еще одну попытку для преодолѣнія недостатка воздуха—устроить воздушный мѣхъ, при помощи котораго и накачивать въ подкопъ воздухъ.

О мѣхѣ думали и раньше, но для его устройства не могли достать матеріалъ. Я пустился на хитрость, притворился больнымъ животомъ и для компресса купилъ у нѣмецкаго доктора промасленную матерію, непропускающую воздуха, она предназначалась на подкладку для мѣха. Для верха досталъ отъ товарища прорезиненный плащъ, купилъ вату. Такимъ образомъ мягкія части для воздушнаго мѣха были готовы. Для крышекъ,—изъ шкафа досталъ 4 полки, и склеилъ по

двѣ. Въ серединѣ прорѣзалъ отверстія для клапановъ, которые устроилъ изъ кожи. Верхній клапанъ—набиралъ воздухъ; нижній—пропускалъ воздухъ въ воздушную трубу, по которой воздухъ подавался къ самому носу рабочаго.

Мѣхъ былъ устроенъ китайской системы и удался на славу. Ни шипѣнія, ни свиста при работѣ онъ не издавалъ. Устройство мѣха, какъ и вообще заготовка всѣхъ инструментовъ и одежды производилась не въ комнатѣ, откуда велся подкопъ, а въ совершенно другомъ баракѣ. Самое трудное было переносить заготовленные инструменты и одежду изъ одного барака въ другой.

Надо было пройти черезъ дворъ, по которому ходили часовые. Накинувъ шинель на плечи и захвативъ подъ шинель нужныя вещи я, какъ-будто гуляя, проходилъ по двору мимо часовыхъ. Мѣхъ по своимъ размѣрамъ вышелъ очень большимъ и пронести его было очень трудно. Выбралъ сумерки; часовой идетъ по двору, а я съ мѣхомъ подъ шинелью слѣдую за нимъ, если онъ обернется,—я пропалъ; я мысленно творю молитву и боюсь смотрѣть на часового; счастливо дохожу сзади его до нужныхъ дверей и исчезаю въ нихъ. Мѣхъ пронесенъ! Онъ былъ установленъ на днѣ колодца у начала подкопа. Теперь нужна была воздушная труба, которая доносила бы воздухъ до рабочаго. Воздушную трубу устроилъ изъ толстой бумаги, но она размокла въ водѣ.

Тогда воздушную трубу рѣшили устроить изъ ламповыхъ стеколъ, но тутъ встрѣтились большія препятствія: очень трудно было достать требуемое количество ламповыхъ стеколъ и еще труднѣе соединить ихъ герметически: стеколъ требовалось около 50 штукъ. Въ концѣ концовъ, часть разновременно купили въ лавочкѣ, а большинство пришлось выкрасть изъ другихъ комнатъ и корридоровъ. Вы приходите къ кому-

нибудь въ гости, и ламповое стекло исчезаетъ вмѣстѣ съ вами. Утаскивать стекла ухитрялись даже изъ комнаты нѣмецкихъ солдатъ.

Въ одинъ прекрасный день почти во всемъ лагерѣ не стало ламповыхъ стеколъ. Нѣмцы ругались, но куда исчезаютъ стекла, догадаться не могли.

Конечно, никому не пришла въ голову мысль, что стекла нужны для подкопа. Для соединенія стеколъ между собою, я примѣнилъ опять матерію для компресса и кожу, которыя послѣ долгихъ испытаній, оказались самыми надежными. Соединять въ подкопѣ стекла между собою было весьма утомительно. При малѣйшей неосторожности стекла лопались, а вставлять въ воздушную трубу новыя стекла было трудно и отнимало много времени. Чтобы не раздавить ее, воздушная труба была подвѣшена къ потолку подкопа. Воздухъ по трубѣ изъ стеколъ подавался очень хорошо, если у конца воздушной трубы поставить свѣчу и работать мѣхомъ, то свѣча задувалась. Удача съ мѣхомъ подняла нашъ духъ, и работа пошла съ удесятеренной энергіей. Все-же длина подземнаго тоннеля увеличивалась очень медленно. Иной день подвигались впередъ не больше 2-хъ вершковъ. Очень ужъ много времени отнимало выкачиваніе воды.

Грунтъ съ каждымъ днемъ становился труднѣе и труднѣе. Попадались большіе камни. Почему-то каждый старался вытащить камень, какъ бы онъ великъ не былъ. Разъ въ потолкѣ подкопа встрѣтился камень, его можно было обойти, но мы этого не сдѣлали. Камень начали откапывать, но чѣмъ больше его копали, тѣмъ большихъ размѣровъ онъ оказывался. Камень былъ больше ширины нашего тоннеля и его, полуоткопаннымъ, пришлось оставить висѣть въ потолкѣ. Вначалѣ пролѣзать подъ камнемъ въ глубь подкопа было жутко,

а вдругъ онъ осядетъ и закроетъ выходъ?.. Потомъ привыкли.

Работы шли уже 3 мѣсяца, а въ лагерѣ никто о нихъ и не догадывался. Надъ арестованными вторично состоялся судъ, и они были присуждены на 9—12 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія. Прокуроръ требовалъ наказать четырьмя годами тюрьмы, но протеста на этотъ разъ не подалъ. Арестованныхъ изъ городской тюрьмы увезли въ Раштатскую тюрьму для отбыванія наказанія, гдѣ они и до сихъ поръ томятся. Мы, оставшіеся на свободѣ, готовили месть нѣмцамъ. Подкопъ долженъ былъ быть скоро законченъ. Если-бы даже теперь и накрыли насъ во время работъ, то и тогда мы будемъ торжествовать, что подъ шумъ военныхъ судовъ устроили новый подкопъ и довели его почти до окончанія. Нѣмцы должны будутъ понять, что несмотря на ихъ обыски и осмотры, мы все-таки въ продолженіе 4-хъ мѣсяцевъ водили ихъ за носъ. Когда въ первый разъ открыли подкопъ, толстякъ комендантъ хватался за голову и, по разсказамъ солдатъ, боясь побѣга, не спалъ по ночамъ.

Окончаніе подкопа приближалось къ концу, а работать, вслѣдствіе недостатка воздуха, становилось все труднѣе и труднѣе. Однажды я чуть не задохся, но къ счастью до обморока успѣлъ отползти назадъ, гдѣ больше воздуха, и это меня спасло. Отдѣлался однѣми рвотами. Съ тѣхъ поръ рѣшено было работать вдвоемъ. Одинъ работалъ въ туннелѣ, а другой накачивалъ въ подкопъ воздухъ и прислушивался, дышетъ ли работающій въ подкопѣ. Чтобы частое захожденіе молодыхъ офицеровъ къ полковнику не обратило вниманіе нѣмцевъ, въ подкопъ рѣшили залѣзать на цѣлый день отъ $12^1/_2$ дня до $9^3/_4$ ч. вечера. Оффиціальныя повѣрки днемъ пунктуально производились въ 10 час. утра и въ 10 час. вечера. Отъ нѣмецкаго

ужина пришлось отказаться, правда, мы мало отъ этого потеряли, но голодъ давалъ себя чувствовать все сильнѣе и сильнѣе.

Въ особенности исхудали мои товарищи: „Панъ“ и „Борода“, но объ отдыхѣ не хотѣли они и слышать.

Наконецъ ихъ легкія до такой степени испортились и загрязнились глинистой пылью, что во время работы издавали шипѣніе, подобное храпу водовозной клячи, которая, надорвавшись, тащитъ за собою огромную бочку. Храпѣніе „Пана“ во время работы мнѣ страшно дѣйствовало на нервы, я не могъ его спокойно слушать и избѣгалъ работать съ нимъ вмѣстѣ. Несмотря на порчу легкихъ и сильнѣйшій ревматизмъ, „Панъ“ былъ у насъ однимъ изъ лучшихъ работниковъ, готовый хоть зубами грызть землю. Другой—„Борода“, настолько увлекался работой, что не замѣчалъ, какъ во время работы онъ стонетъ. Со стономъ всаживалъ онъ ломъ въ затвердѣлый грунтъ, со стономъ вытаскивалъ землю изъ подкопа. Когда ему говорили:—„Тише, не стони“, онъ, удивленно отвѣчалъ:—„Развѣ я стону“. По ночамъ мучилъ насъ ревматизмъ, нажитый въ подземельѣ. „Панъ“ даже ходилъ на согнутыхъ въ колѣняхъ ногахъ, съ которыхъ не сходила опухоль.

Отъ отравленія испорченнымъ воздухомъ появлялись страшныя головныя боли и тошнота. Отъ переутомленія появилась безсонница. Старались не думать о мѣстонахожденіи подкопа, а тѣмъ болѣе не смотрѣть на коменданта. Боялись, чтобы ему не приснился сонъ о томъ, гдѣ находится нашъ подкопъ.

При усиленной работѣ нужно было и соотвѣтствующее питаніе, а пищи даже за деньги нельзя было достать. Если-бы не посылки съ родины, то подкопныхъ работъ пожалуй до конца не дотянули бы.

Въ это время, какъ на бѣду, вышло распоряженіе,—

присылаемыхъ посылокъ не выдавать сразу, а выдержать ихъ 14 дней въ лагерѣ и уже потомъ выдавать.

Вы знаете, что для васъ получена посылка, но вы, голодая, должны ждать еще 14 дней, пока вамъ ее выдадутъ. Когда мы спросили нѣмцевъ, чѣмъ объяснить задержку посылокъ, они отвѣтили:—„Вы получаете посылки изъ Россіи черезъ 2 недѣли, а наши плѣнные въ Сибири получаютъ черезъ мѣсяцъ; вотъ, чтобы уравнять васъ въ правахъ, мы и сдѣлали для вашихъ посылокъ 14 дней карантина“. На эту логику трудно было-бы что нибудь отвѣтить. Работы наши затруднялись все большимъ и большимъ недостаткомъ воздуха. Несмотря на накачиваніе воздуха, свѣча перестала горѣть. Въ началѣ около получасу горитъ, а потомъ постепенно тухнетъ. Въ подкопѣ былъ настолько сильный недостатокъ воздуха, что въ немъ невозможно было зажечь спичку: она моментально тухла. Сѣра отъ спички отравляла воздухъ, и изъ подкопа приходилось скорѣе выскакивать. Послѣ того, какъ переставъ горѣть свѣтъ, работу рѣшили продолжать въ абсолютной темнотѣ. Въ началѣ успѣхъ работы въ темнотѣ былъ самый незначительный, и сама темнота при тѣснотѣ производила гнетущее, тяжелое впечатлѣніе. При ползаніи острые камни въ потолкѣ подкопа больно задѣвали за спину. При каменномъ грунтѣ вы могли полчаса тыкать ломомъ и ничего не откопать. Но подъ конецъ напрактиковались работать и въ темнотѣ. Развился инстинктъ,—мы не видѣли, а чувствовали окружающее, проползая подъ камнемъ, мы невольно наклоняли голову внизъ, чтобы не стукнуться объ камень. Для того, чтобы чувствовать, куда вы засаживаете ломъ, около острія лома держали пальцы руки и посредствомъ осязанія, мозгъ воспринималъ и оцѣнивалъ работу лома.

XV.

Послѣднія усилія.

Планъ побѣга у насъ былъ слѣдующій: выходъ подкопа провести на 4—6 шаговъ за будку часового и бѣжать обязательно въ дождь. Во время дождя часовые становятся въ будку и смотрятъ передъ собою на освѣщенное электричествомъ зданіе; что дѣлается сзади нихъ, они не видятъ. Стукъ дождя по крышѣ будки заглушитъ шумъ работъ. Чтобы узнать, какой длины нуженъ подземный тоннель, опредѣлили разстояніе до будки часового. При помощи засѣчекъ изъ оконъ, разстояніе до будки получилось 16 аршинъ. Если длину подземнаго хода довести до 22—24 аршинъ, то мы будемъ находиться за будкою, и тогда можно бѣжать. Съ огромными усиліями, въ продолженіе 4-хъ мѣсяцевъ, длину подземнаго хода довели до 24 аршинъ.

Разстояніе подземнаго хода измѣрили нѣсколько разъ натянутой веревкой, получилось 24 аршина, тогда рѣшили дѣлать выходной колодецъ, т. е. начали выкапываться наружу. По слоямъ почвы узнавали, на какой глубинѣ мы находимся. Въ выходномъ колодцѣ оставили нетронутымъ слой земли, толщиною около 1/2 аршина, прокопать который нужно было въ моментъ побѣга. Заготовлять выходное отверстіе изъ-подъ земли заблаговременно нельзя: могутъ замѣтить. Теперь подкопъ былъ готовъ и ждали только дождя. На лугу, куда выходилъ нашъ подземный ходъ, начали косить и потомъ собирать сѣно. За сѣномъ пріѣхалъ возъ, запряженный лошадью и коровой. Тутъ пришлось намъ пережить много страховъ, мы боялись, что въ нашъ подкопъ можетъ вмѣстѣ съ возомъ провалиться корова или лошадь.

Въ выходномъ колодцѣ у насъ сдѣлана была подпорка. Когда пріѣхалъ возъ, я влѣзъ въ подкопъ и усилилъ подпорку дополнительными досками.

Волненіе наше достигло высшаго напряженія, когда возъ поровнялся съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ, какъ мы полагали, былъ подкопъ. Но все сошло благополучно, и возъ съ сѣномъ уѣхалъ домой.

Каждый день слѣдили мы за тучами на небѣ и молили Бога о ниспосланіи намъ дождя.

Наконецъ пошелъ дождь. Товарищи настаивали, что сегодня нужно бѣжать. У меня были какія-то злыя предчувствія. Я оттягивалъ побѣгъ и, наконецъ, въ этотъ день, наотрѣзъ отказался бѣжать, за что мои товарищи неоднократно меня упрекали. Ждали слѣдующаго дождя. Такъ какъ въ выходномъ колодцѣ оставался пластъ земли толщиною въ 1/2 аршина, то рѣшили, продѣлавъ въ немъ коническое отверстіе, показать, когда часовой отвернется, по сигналу изъ-подъ земли, флажокъ. Одинъ будетъ показывать по поданному изъ комнаты сигналу, а остальные смотрѣть въ окна и замѣчать, гдѣ появится флажокъ. На слѣдующій день въ опредѣленный часъ все было подготовлено къ показу. Изъ комнаты стукомъ ногою въ полъ подали условный сигналъ „показать“. Предполагая, что флажокъ долженъ появиться за будкою, мы всѣ устремили наши взоры туда. Сигналы для показа подавались неоднократно, но мы ничего не видѣли. На второй и третій день то же самое.

Мы очень заинтересовались, что означаетъ, что не видно флажка, по расчетамъ онъ долженъ появиться на цѣлый аршинъ надъ землею. Наконецъ, на 4-й день случайно увидѣли бѣлый флажокъ и остолбенѣли отъ страха: флажокъ изъ-подъ земли появился сзади часового, на самой его дорожкѣ и не доходя одного шага до будки.

Морозъ пробѣжалъ по кожѣ, скорѣе подали сигналъ: „прекратить показъ“. Флажокъ исчезъ.

Мы не вѣрили своимъ глазамъ. Вторично подали сигналъ „показать“; флажокъ опять появился на дорожкѣ; теперь сомнѣній не было. Мы подъ землею не докопались еще даже до будки часового. Стукомъ вызвали наружу показывавшаго флажокъ и начали совѣщаться, что намъ дѣлать. Разстояніе подземнаго хода измѣрили еще разъ и опять получили 24 аршина, а до будки повоздушной линіи было только 16 аршинъ. Разницу разстоянія подъ землею и по воздуху мы объяснили тѣмъ, что держать прямое направленіе подземнаго хода было невозможно: встрѣчались камни, которые мы обходили; подъ конецъ работали въ темнотѣ, и направленіе подкопа получилось зигзагообразное, онъ уклонялся то вправо, то влѣво, то углублялся, то повышался. Въ результатѣ оказалось, что 24 аршина подъ землею равняется 16 аршинамъ по воздуху. Конусъ, черезъ который показывали флажокъ, былъ задѣланъ изъ-подъ земли и подъ нимъ поставлена подпорка. Если бы показомъ флажка не опредѣлили мѣста выходного отверстія подкопа, то при побѣгѣ нарвались бы самымъ опаснымъ образомъ. Въ одномъ шагѣ подъ носомъ часового начали бы прокапываться изъ-подъ земли.

Конечно, первому, кто открывалъ-бы подкопъ не миновать штыка часового. То же самое явленіе получилось бы, если нѣмцы не открыли бы 1-й подкопъ, а дали бы намъ довести его до конца. Мы выкопались бы около самаго шоссе—дороги часового, далеко не дойдя до необитаемаго зданія, куда предполагалось провести выходъ подкопа. Такъ какъ выходъ подкопа предполагалось устроить заблаговременно, то и нашъ подкопъ открыли бы до побѣга.

Когда мы узнали, что еще не дошли до будки, на насъ напало уныніе. Мы были страшно утомлены, а

чтобы провести подкопъ за будку, по расчетамъ, надъ было еще работать въ подземельи 2 мѣсяца. Вѣра въ благополучное окончаніе подкопа упала, и одинъ изъ нашихъ участниковъ, подобравъ себѣ попутчика, рѣшилъ бѣжать черезъ проволоки. Какъ мы его не отговаривали, ничего не помогало. Доказывали, что съ его побѣгомъ могутъ открыть нашъ подкопъ, такъ какъ при побѣгѣ онъ хотѣлъ прорыть фундаментъ въ сосѣднемъ баракѣ. Ему хотѣлось скорѣе быть въ Россіи и о двухмѣсячной работѣ онъ не хотѣлъ и слышать. Въ виду ихъ предстоящаго побѣга работы въ подкопѣ мы прекратили и входъ въ подполье замаскировали. Въ назначенный для побѣга вечеръ мы простились. Кто-то даже пролилъ слезу.

Послѣ вечерней повѣрки бѣглецы исчезли. Мы всю ночь не могли заснуть, все ждали выстрѣловъ. Въ ихъ удачу никто изъ насъ не вѣрилъ. Наступило утро, тревоги не было. Навѣрно бѣглецы благополучно ушли изъ лагеря. На ночныхъ повѣркахъ ихъ не обнаружили: въ кроватяхъ вмѣсто нихъ лежали чучела.

Вдругъ, въ десятомъ часу, передъ самою повѣркою они являются; блѣдные, усталые, они не могутъ выговорить ни слова. Оказывается, что прокопавъ фундаментъ они пробрались въ наружный ровъ, здѣсь пробыли всю ночь, не могли преодолѣть проволочныхъ заграждений и на утро тѣмъ же путемъ вернулись обратно въ лагерь. Только успѣли они вылѣзть изъ-подъ фундамента и зайти въ пустую комнату, какъ къ разрытому мѣсту подошелъ часовой и далъ свистокъ. Сбѣжались нѣмцы. Бѣглецы за всѣмъ происходящимъ наблюдаютъ изъ окна. Пройти въ свою комнату они не могутъ,—она въ другомъ баракѣ, для этого нужно выйти во дворъ, а здѣсь нѣмцы. Претерпѣвъ много страховъ, имъ всеже въ концѣ концовъ удается незамѣтно проскользнуть къ себѣ.

На мѣсто происшествія прибѣжалъ комендантъ.

На вопросъ, что означаетъ разрытый фундаментъ, одинъ изъ французскихъ офицеровъ отвѣтилъ, что русскіе хотѣли развести здѣсь огородъ. Комендантъ, показавъ на свою голову, сказалъ:—„Ахъ, эти русскія свиньи, вотъ гдѣ у меня сидятъ ихъ огороды!“ На повѣркѣ было объявлено, что безъ разрѣшенія коменданта разводить огородовъ нельзя. Серьезно-ли это было сказано, или съ задней мыслью, опредѣлить трудно. Думаю, что комендантъ, ожидая повторенія, сдѣлалъ видъ, что дѣйствительно принялъ все это за разведеніе огорода и въ будущемъ надѣялся застигнуть „огородниковъ“ на мѣстѣ преступленія. Намъ, подкопщикамъ, этотъ „огородъ“ тоже стоилъ много нервовъ. Все это кончилось тѣмъ, что теперь бѣглецы сознали, что кромѣ подкопа, другого средства бѣжать изъ лагеря нѣтъ, и опять вступили въ нашу компанію.

Работы наши продолжались. Теперь подкопъ вели на небольшой глубинѣ въ мягкомъ глинистомъ грунтѣ. Чтобы не задохнуться, пришлось устроить въ подкопѣ конуса, которые соединяли поверхность земли съ подкопомъ и по нимъ въ подкопъ впускался воздухъ. Вершина конуса, въ видѣ маленькаго отверстія, выходила наружу.

Въ конусъ вставлялась желѣзная трубка, служившая въ шкафу вѣшалкой для полотенца.

Трубка была длиною $1^1/_2$ аршина. Отъ времени до времени она прочищалась. Конуса устраивались черезъ каждые 2—3 шага. Свѣжій воздухъ пріятно щекоталъ ноздри. Съ устройствомъ конусовъ въ подкопѣ запахло травою. Черезъ конусъ виднѣлся краешекъ неба и по временамъ мелькала тѣнь часового. Иногда въ подкопъ безвозвратно попадала пчела. Ясно слышались шаги часового, многократнымъ эхомъ отра-

жавшіеся въ подкопѣ. Проползая подъ конусомъ, мы невольно въ него заглядывали и, слыша шаги часового, чувствовали себя побѣдителемъ.

При помощи показовъ флажка изъ-подъ земли подкопъ завернули влѣво и будущее выходное отверстіе нацѣлили въ тѣнь отъ будки и дальняго дерева. Вслѣдствіе яркаго электрическаго освѣщенія длинныя тѣни казались особенно длинными. Въ эти тѣни долженъ былъ выйти нашъ выходъ и по тѣнямъ мы предпогали, выйдя изъ подкопа, отползать въ темноту. Работы наши приближались все ближе къ концу, и мы стали заготовлять на дорогу провизію.

Для носки провизіи я досталъ альпійскій мѣшокъ.

Идти до Швейцаріи предстояло въ горахъ Шварцвальда. Для горной ходьбы, подобно альпійскимъ туристамъ, изъ кусковъ веревочекъ я свилъ крѣпкія веревки. Для витья веревокъ изобрѣлъ спеціальный аппаратъ. Офицеры, не знавшіе о подкопѣ, удивлялись, на что мнѣ веревки. Чтобы въ день побѣга не суетиться и не дѣлать никакихъ приготовленій, все должно было быть заготовлено заблаговременно и снесено въ подкопъ. Закончивъ подкопъ, начали дѣлать выходной колодецъ, до поверхности оставили 1/2 арш. нетронутаго слоя, сдѣлали подпорку и стали ждать дождя. Да не просто—дождя, а спеціальнаго, въ опредѣленное время отъ 10 до 11 часовъ вечера, когда нѣтъ повѣрокъ. Ждемъ одну недѣлю, ждемъ другую, а подходящаго дождя нѣтъ. Днемъ идетъ проливной дождь, мы волнуемся, готовимся къ побѣгу, но къ вечеру дождь прекращается, и мы ждемъ слѣдующаго дня. На лугъ, гдѣ находится нашъ подкопъ, начинаютъ свозить навозъ и накладываютъ въ кучу какъ разъ около нашего подкопа. Теперь мы опять волнуемся, какъ бы коровы не провалились въ подкопъ. Черезъ конуса во время сильныхъ дождей подкопъ начинаетъ заливать водою.

Подъ дорогою часового, гдѣ былъ сдѣланъ 1-й выходной колодецъ, появляются зловѣщія трещины, которыя съ каждымъ днемъ увеличиваются.

Потолокъ подкопа медленно начинаетъ садиться, что ясно обозначается на сдѣланныхъ отмѣткахъ.

О своихъ наблюденіяхъ я никому ничего не говорю, а напротивъ увѣряю, что трещины появляются вслѣдствіе высыханія почвы и не являются признакомъ опусканія потолка. Когда я однажды залѣзъ въ подкопъ осматривать трещины, мнѣ подали сигналъ „прекратить работу и вылѣзать". Умывшись и одѣвшись въ свою одежду, я выхожу. Товарищи мои ходятъ блѣдные, испуганные. Въ лагерѣ начался обыскъ, но идетъ съ другого конца. Обыски были намъ не новость, но на этотъ разъ ищутъ чего-то опредѣленнаго. Изъ комнаты приказали всѣмъ выйти, вынесли койки, которыя осматриваютъ. Въ комнатѣ солдаты моютъ полъ и очень тщательно его осматриваютъ. Какъ будто ищутъ подкопа. Мы уже думали, что все пропало. Обыскъ идетъ очень медленно. У насъ появилась надежда, что до вечера не успѣютъ обыскать всѣхъ бараковъ. Послали французскихъ солдатъ узнать, успѣютъ-ли сдѣлать обыскъ въ нашемъ баракѣ.

Отъ нѣмцевъ они узнали, что у насъ обыскъ будетъ завтра. Мы собрались на совѣщаніе, что намъ дѣлать? У насъ оставался только 1 выборъ: или сегодня въ ясную погоду произвести попытку побѣга, или завтра идти въ тюрьму. Я говорю произвести попытку побѣга, потому-что въ благополучный его исходъ никто почти не вѣрилъ. Изъ-подъ земли надо было прокопаться въ 5—6 шагахъ отъ часового. У часового участокъ 40 шаговъ, въ серединѣ его участка стоитъ будка, и въ 5—6 шагахъ за будкою нужно прорыть выходъ изъ подкопа. Малѣйшій шумъ или случайный взглядъ часового, и мы пропали. Прокапываясь изъ-подъ земли,

вы не видите часового и не знаете, когда начинать, когда прекращать работу. За необходимость побѣга въ эту ночь говорило еще и то обстоятельство, что старая прорѣзь въ полу, которую комендантъ не могъ найти при поискахъ 1-го подкопа, несмотря на то, что онъ о немъ имѣлъ свѣдѣнія, прорѣзь эта теперь очень выдѣлялась. На мѣстѣ прорѣзи доски отсырѣли и на полу выдѣлялась темная полоса, которую прикрывалъ „Жукъ"—снималка для сапогъ. Жукъ, какъ я уже говорилъ, при первомъ обыскѣ спасъ нашъ подкопъ и съ тѣхъ поръ не служилъ больше для сниманія сапогъ, а занималъ почетное мѣсто подъ кроватью и прикрывалъ собою это опасное мѣсто. Соединеніе досокъ было замазано китовкой и красками. Если начать мыть полъ, то краски сойдутъ и соединеніе прорѣзанныхъ досокъ будетъ очень выдѣляться.

За входъ въ подпольѣ, который находился въ комнатѣ полковника, мы не боялись: онъ закрывался, какъ извѣстно желѣзной плитой, и его никогда не нашли бы.

Собравшись на совѣщаніе, долго мы спорили бѣжать сегодня или нѣтъ. Мнѣнія раздѣлились. Наконецъ, голоса за побѣгъ взяли верхъ, и рѣшено было бѣжать сегодня—безъ дождя. Прокапываться изъ-подъ земли безъ сигнализаціи о томъ, гдѣ находится часовой—немыслимо. Для сигнализаціи нуженъ былъ кто-нибудь изъ нашихъ участниковъ, который зналъ наши сигналы и обладалъ извѣстной выдержкой. Рѣшили кинуть жребій, кому изъ насъ остаться въ лагерѣ и подавать сигналы. Бѣжать, несомнѣнно, всѣмъ хотѣлось. Тутъ „Панъ", не щадившій для подкопа и раньше своего здоровья, выказалъ высшее самопожертвованіе: онъ рѣшилъ остаться въ лагерѣ и подавать намъ сигналы. Намъ совѣстно было принять его самопожертвованіе, но эгоизмъ каждаго изъ насъ взялъ перевѣсъ, и его

предложеніе было принято. Совѣщаніе наше окончилось въ 6 час. вечера.

На окончательную подготовку выходного отверстія у насъ было время до 9½ час. вечера. Къ этому времени въ выходномъ колодцѣ рѣшили докопаться до одной дернины, которую и снять въ моментъ выхода изъ подкопа.

Въ 9 час. я закончилъ работу въ выходномъ колодцѣ. Оставалась дернина, которая при нажиманіи шаталась. До вечерней повѣрки я успѣлъ устроить послѣдній инструментъ, необходимый для окончанія подкопа. Для прорѣзыванія дернины досталъ бритву и ее приспособилъ къ длинной деревянной ручкѣ. Съ этимъ орудіемъ я явился и на повѣрку.

Чтобы не попасться во время ночныхъ повѣрокъ въ кроватяхъ были заготовлены чучела. Намъ очень важно было, чтобы нашъ побѣгъ не обнаружили бы тотчасъ. Иначе могло получиться такъ, что мы еще находились бы въ подкопѣ, а наше отсутствіе въ лагерѣ уже обнаружили и ищутъ. Вылѣзать безъ дождя приходится очень медленно, по одному, улавливая моменты, когда часовой отходитъ отъ подкопа. Кромѣ того мы знали, что погоня за нами будетъ съ полицейскими собаками, а противъ полицейскихъ собакъ у насъ никакихъ средствъ не было. Я лично имѣлъ бутылочку керосина, которымъ рѣшилъ смазывать подошвы сапогъ и, главнымъ образомъ, надѣялся, дойдя до рѣки, идти въ бродъ по водѣ 1—2 версты, чтобы полицейская собака не могла найти, гдѣ я вышелъ изъ воды и, такимъ образомъ, потеряла бы мой слѣдъ. Послѣ вечерней повѣрки я залѣзъ въ подкопъ. Зажегъ потайные фонари, въ самомъ подкопѣ,—по случаю такого важнаго дня, рѣшено было устроить полную иллюминацію: зажечь всѣ свѣчи. Чтобы свѣтъ и звукъ сигналовъ, когда будетъ прорытъ выходъ, не выходилъ бы

наружу, у выхода изъ подкопа была сдѣлана драпировка, которая перехватывала звуки. Каждое наше движеніе было много разъ продумано и взвѣшено. Все должно было произойти по строго выработанному плану. Идти мы должны были группами по 2—3 человѣка, у каждой группы свой маршрутъ. Мы знали, что если даже счастливо удастся уйти изъ лагеря, то во время погони большинство погибнетъ. У каждаго была надежда, что это будетъ не онъ, а кто-нибудь другой. Я высказалъ своимъ товарищамъ убѣжденіе, что живымъ въ эту унизительную неволю больше не вернусь.

XVI.

Побѣгъ.

Забравшись въ подкопъ со своимъ инструментомъ— бритвой, я приготовился и ждалъ сигнала. Сзади меня въ подкопѣ лежатъ мои товарищи. Раздалось изъ комнаты условное выстукиваніе, я безшумно прорѣзываю въ дернинѣ четырехугольникъ, такой величины, чтобы человѣкъ могъ пролѣзть въ него. Работу нѣсколько разъ приходилось по сигналамъ прекращать и вновь начинать. Наконецъ, въ выходномъ колодцѣ обрѣзанъ послѣдній пластъ земли-дернина, которая медленно начинаетъ опускаться. Въ это время изъ комнаты подали сигналъ: „прекратить работу, часовой“. Руками надъ головой я поддерживаю дернину. Тревожный сигналъ все время повторяется.

Бумъ, бумъ, бумъ... раздаются въ подкопѣ шаги часового, и все замолкаетъ, — часовой остановился. У меня во рту и горлѣ пересохло, нестерпимо хочется кашлянуть. Руки отъ неестественнаго положенія надъ головою нѣмѣютъ, тогда принимаю я дернину на голову и подпираю ее головою. Про-

ходятъ томительныя минуты. Изъ комнаты наигрывается все время тревожный сигналъ. Сзади меня кто-то начинаетъ усиленно, громко дышать. Видно, не хватаетъ воздуха и задыхается. Я толкаю его ногою назадъ, чтобы лежалъ тихо.

Послѣ нѣкотораго времени, которое показалось мнѣ вѣчностью, я услышалъ удаляющіеся шаги часового, и изъ комнаты подали сигналъ: „можно“. Я опустилъ дернину и разрѣзалъ ее на части. За это время часовой уже прошелъ 20 шаговъ своего участка и идетъ обратно. У меня выходное отверстіе готово, но вылѣзать нельзя. Я могъ подняться и побѣжать въ темноту, но зато попались бы мои товарищи. Изъ-подъ земли я ясно вижу часового, онъ занимается маршировкой, поднимая ноги выше пояса, стуча своими желѣзными подошвами и вытянувшись въ струнку, и проходитъ мимо меня въ 5—6 шагахъ.

Изъ комнаты раздался сигналъ „можно“. Но я ясно вижу, что нельзя, такъ какъ часовой сосѣдняго участка, заинтересовавшись маршировкою своего сосѣда, смотритъ въ нашу сторону. Изъ окна сосѣдняго часового не видно, отчего и подали сигналъ „можно“.

Тутъ пришлось преодолѣть свое безумное желаніе встать и побѣжать, а терпѣливо дожидаться благопріятнаго момента. Наконецъ, онъ наступилъ, я вынырнулъ изъ-подъ земли и по тѣни отъ будки поползъ въ темноту. На душѣ сразу стало легко. На небѣ звѣзды блестятъ. Свѣжій воздухъ наполняетъ грудь.

Увѣренность и сила удесятерились. Пріятное самосознаніе, что я теперь хозяинъ самого себя, что будущее зависитъ теперь только отъ меня самого!.. Все это въ одну секунду проносится у меня въ головѣ. Я ползу тихо и не спускаю глазъ съ часового. Часовой опять идетъ обратно; пришлось залечь, такъ какъ движеніе даже въ тѣни могло меня выдать. Часовой прошелъ мимо

меня въ 10—12 шагахъ, я поползъ дальше и очутился въ канавѣ, которая вела въ темноту. Доползъ до кустовъ, условнаго мѣста, гдѣ моя партія должна была собраться, и жду товарищей. Проходитъ часъ, никого нѣтъ. Кусты большіе, и ихъ нѣсколько группъ. Я ползаю въ нихъ и никого не могу найти. Рѣшилъ поползти обратно къ выходу подкопа и посмотрѣть, можетъ быть никто еще не вылѣзъ. Остановился въ темнотѣ и смотрю на то мѣсто, гдѣ выходъ подкопа. Надъ землею показалась какая-то голова, осмотрѣлась. Потомъ вылѣзъ весь человѣкъ и поползъ въ мою сторону. Онъ оказался не моей партіи, но вылѣзъ шестымъ по порядку.

Значитъ моя партія вылѣзла уже давно; гдѣ она онъ не знаетъ и тоже не можетъ найти своего попутчика, у котораго остался даже его мѣшокъ съ провизіею. Прождавъ нѣсколько часовъ, мы рѣшили отходить отъ лагеря, такъ какъ уже скоро должно было свѣтать.

Тревоги въ лагерѣ нѣтъ. Часовые необыкновенно спокойно ходятъ взадъ и впередъ. Вотъ прошла смѣна.

Послѣдній разъ я кинулъ взглядъ на эту клѣтку изъ колючей проволоки, кругомъ которой, стуча ногами ходятъ ночные церберы и, какъ-будто во время бала, горитъ электричество. Длинные лучи электрическаго свѣта мелькнули нѣсколько разъ въ окнѣ моей камеры. Это идетъ ночная повѣрка по кроватямъ. Чучело не выдастъ. У меня на душѣ легко и свободно, хочется кричать и смѣяться. Взявшись за руки, мы не пошли, а побѣжали. Несмотря на изнуренность организма подземными работами, я не чувствовалъ усталости. Скорѣе бы забраться въ горы Шварцвальда. Тамъ будетъ безопаснѣе. Дорога идетъ все время лѣсомъ, превращается въ тропинку и, наконецъ, совершенно исчезаетъ. Пробовали идти безъ дороги, но

лѣсъ настолько густой, что съ трудомъ, ломая вѣтви, продвигались впередъ. Тогда вернулись назадъ и отыскали дорогу. Начало разсвѣтать. Изъ лощины, по которой шла дорога, мы забрались на гору и спрятавшись въ поросли лѣса, провели день.

Рано утромъ, недалеко отъ насъ раздавались какіе-то выстрѣлы. Мы шутили, что это навѣрное охотятся на нашихъ товарищей, а сами зайцами сидѣли въ кустахъ.

XVII.

Погоня.

По очереди рѣшили одному спать, а другому дежурить. Но нервы настолько были сильно подняты, что не одинъ изъ насъ не сомкнулъ глазъ. Съ штатской одежды снимали генеральскія нашивки и блестящія пуговицы, чтобы превратиться въ обыкновенныхъ людей. Насталъ вечеръ. Мы выбрались изъ своего прикрытія и начали спускаться съ горы, чтобы отыскать дорогу. Подъ нами была деревня, освѣщенная элекрическими огнями. Обойдя по горѣ деревню мы спустились на дорогу и пошли по ней. Ночь темная. Въ 2-хъ шагахъ ничего не видно. Мы тихонько идемъ по дорогѣ. Вдругъ изъ-за поворота дороги около насъ быстро появляются какія то тѣни и надъ самымъ моимъ уходомъ раздается по-нѣмецки: „Стой! или я буду стрѣлять“. Предъ глазами у меня мелькнули револьверный шнуръ и погоны. Я понялъ, что около насъ нѣмецкіе велосипедисты; рванулся и бросился карабкаться въ гору. Гора крутая, никакъ не могу зацѣпиться, карабкаюсь и ползу на животѣ внизъ. Въ это время недалеко въ лѣсу раздается какой-то странный крикъ, какъ-будто сдавленный лай полицейскихъ со-

бакъ. Первый разъ я почувствовалъ страхъ. Страхъ инстинктивный. Я боялся не нѣмцевъ, а собакъ. Лай этотъ былъ похожъ не то на рычаніе звѣря, не то на сдавленный человѣческій крикъ. Думая, что это полицейскія собаки, я бросился къ рѣкѣ и въ водѣ по шею началъ брести, чтобы скрыть отъ собакъ свой слѣдъ. Лай все время меня сопровождалъ. Велосипедистовъ я больше не видѣлъ и своего попутчика по побѣгу тоже. Онъ былъ захваченъ... Были какіе то крики, шумъ, но выстрѣловъ не было. Пройдя въ водѣ около версты, когда все затихло, я вылѣзъ изъ рѣки и, отдохнувъ, пошелъ искать дорогу. Долго блуждая на четверенькахъ по лѣсистой горѣ, я попалъ наконецъ на тропинку, которая, спустившись въ лощину, привела меня къ дорогѣ. Не успѣлъ я выйти на дорогу, какъ на встрѣчу мнѣ идетъ нѣмецкій дозоръ. Я бросился бѣжать. За мною раздался крикъ „стой“ и выстрѣлы. Я бросился обратно въ лѣсъ. Дозоръ за мною. Предательскій трескъ сучьевъ подъ ногами и обламываемыхъ вѣтвей указываетъ погонѣ направленіе моего движенія. Стрѣляютъ они тоже на звукъ, такъ какъ видѣть меня не могутъ. Вчерашній лай собакъ опять слышится въ лѣсу. Пробѣжавъ по горамъ нѣсколько верстъ— я начинаю терять силы. Во рту такъ пересохло, что треснули губы. Наконецъ, въ изнеможеніи я попадаю въ канаву, въ которой и остаюсь, не имѣя силъ подняться. Голоса приближаются. Выстрѣлы прекратились. Я боюсь, что мое дыханіе меня можетъ выдать. Дозоръ, прислушиваясь, проходитъ въ нѣсколькихъ шагахъ мимо меня и исчезаетъ въ ночной темнотѣ. Смотрю на часы, уже скоро разсвѣтъ, надо скорѣе уходить отъ этого опаснаго мѣста. Рѣшилъ идти безъ дороги. Отъ дерева къ дереву карабкаюсь на четверенькахъ. Мои веревки сослужили мнѣ хорошую службу, въ особенности, при спускѣ съ горы. Не имѣя веревокъ, я на-

вѣрняка разбился бы на смерть. Золоживъ середину веревки за дерево и держа оба конца въ рукахъ, я спускался совершенно безопасно съ самой крутой горы.

Къ утру я очутился на самой высокой горѣ и къ моей радости набрелъ на лисью нору, которую и рѣшилъ использовать для своей берлоги. Нору расширилъ, залѣзъ въ нее и входъ задѣлалъ вѣтвями. Уже второй день шелъ дождь, и я радъ былъ отъ него укрыться. Собакъ въ своей берлогѣ я тоже не боялся; ни одному нѣмцу, даже если укажетъ собака, не придетъ въ голову, что здѣсь можетъ находиться человѣкъ. День тянулся для меня очень долго. Правильно оріентироваться въ этихъ горахъ очень трудно. Съ предполагаемаго мною маршрута я сбитъ погонею и заготовленная на дорогу карта не обнимаетъ того района, въ которомъ я сейчасъ нахожусь. На небѣ ярко горятъ большая медвѣдица и полярная звѣзда, которыя должны привести меня къ свободѣ. Я вылѣзъ изъ своей норы, подкрѣпился сухарями и шоколадомъ и пошелъ отыскивать дорогу. Лѣсъ густой, идти ночью приходилось ощупью, держа руки передъ собою, или зажмуривъ глаза, въ противномъ случаѣ могъ остаться безъ глаза. Лѣсъ мѣстами настолько густой, что приходилось проползать подъ вѣтвями деревьевъ, проламывая себѣ дорогу. Почва болотистая, и съ каждымъ шагомъ становится все болѣе и болѣе вязкою. Передо мною поляна, я пошелъ туда и попалъ въ самое настоящее засасывающее болото. Ноги завязли, и я понемногу начинаю погружаться. Меня сильно томила жажда и я, завязнувъ въ болотѣ, начинаю искать воды, чтобы утолить жажду. Вдругъ у меня блеснуло сознаніе, что нужно скорѣе выбираться изъ болота. Ужасъ сковываетъ мои члены. Съ страшнымъ усиліемъ я рванулся и зацѣпился за поваленное дерево, на которое съ трудомъ и выбрался.

По дереву выползъ изъ болота и началъ обдумывать, въ какую сторону пойти, чтобы выбраться на дорогу. Ничего не придумавъ, побрелъ прямо передъ собою и, сворачивая вправо и влѣво, руководился только безсознательнымъ инстинктомъ.

Дошелъ до склона горы и, заложивъ веревку за дерево, началъ спускаться. Два конца веревки у меня въ рукахъ. Когда веревка на исходѣ, я задерживаюсь гдѣ-нибудь за дерево и, потянувъ веревку за одинъ конецъ, я освобождаю ее и закладываю за новое дерево. Такимъ образомъ спустился я въ лощину и попалъ на ту дорогу, которая шла по нужному мнѣ направленію.

Я отдохнулъ, напился въ ручейкѣ воды, холодною водою освѣжилъ голову и пошелъ дальше. Черезъ часа 2 на меня совершенно неожиданно наскочили сзади двое нѣмецкихъ велосипедистовъ. Они совсѣмъ безшумно подъѣхали сзади, и я только почувствовалъ, какъ меня обдало воздухомъ и меня схватили за руки. Я хотѣлъ рвануться, но вижу, что уже поздно. Къ моему носу приставили револьверъ. Я сдѣлалъ видъ, что покорился своей участи. Нѣмцы говорятъ между собою, что мнѣ нужно связать руки и достаютъ ремни. Я рванулся со страшной силой и ударилъ своимъ правымъ локтемъ по рукѣ съ револьверомъ.

Револьверъ вылетѣлъ изъ рукъ и покатился, и въ тотъ же моментъ правый нѣмецъ получилъ тѣмъ же локтемъ сильный ударъ въ лицо и упалъ на землю. Лѣвый схватилъ меня за горло. Я зажалъ его голову подъ мышку и вмѣстѣ съ нимъ покатился съ горы. Гора, къ счастію, оказалась мягкая, поросшая травой. Я хочу отъ него высвободиться, а онъ меня не пускаетъ. Идемъ мы перекатами, то онъ наверху, то я наверху. Я вижу, что нѣмецъ достаетъ револьверъ и тоже уцѣпился за кобуру, но никакъ не могу ее от-

стегнуть. Нѣмецъ кричитъ и зоветъ своего товарища на помощь. Послѣдній начинаетъ къ намъ спускаться. Наконецъ я высвободилъ себя отъ объятій помятаго нѣмца и уже одинъ продолжаю спускаться съ горы. Велосипедисты изъ своихъ револьверовъ открыли по мнѣ огонь. Я моментально измѣнилъ направленіе, спустился къ рѣчкѣ и, переплывъ ее, былъ въ безопасности. Въ лѣсу тихо. Нѣмецкій говоръ постепенно удалился. Я поползъ отыскивать дорогу, такъ какъ скорѣе хотѣлось уйти отъ этого опаснаго мѣста. Найдя дорогу, я рѣшилъ двигаться по ея обочинѣ, держась поближе къ лѣсу. Ночь темная. Какія-то фигуры опять появляются передо мною. Отъ неожиданности я бросился бѣжать. Раздались „стой, стой“, и выстрѣлы. Я бросился къ рѣчкѣ и спрятался на ея берегу. Ландштурмисты подходятъ все ближе и ближе. Я бросился въ рѣку и поплылъ. На шумъ воды солдаты по плывущему открыли огонь. Я хлебнулъ воды. Плыть трудно, пальто и мѣшокъ съ провизіею за спиною сильно мѣшаютъ. Я началъ тонуть, и чтобы спасти себя, мѣшокъ съ провизіею спустилъ въ воду, а самъ съ трудомъ выкарабкался на другой берегъ и поползъ въ кусты. Ландштурмисты остались на другомъ берегу и выругались. Я долго лежалъ, не вѣря своему спасенію и обдумывая планъ дальнѣйшей дороги. Теперь я ясно убѣдился, что за нами идетъ погоня и что дороги, ведущія въ Швейцарію, полны ландштурмистами. Чтобы сбить погоню, я рѣшилъ кореннымъ образомъ измѣнить дальнѣйшій свой путь. Вмѣсто того, чтобы идти на югъ, я пошелъ на западъ и даже на сѣверо-западъ. Сдѣлавъ въ продолженіи 2-хъ ночей кругъ, я повернулъ на югъ, и это меня спасло.

До самой Швейцарской границы я нигдѣ больше не встрѣтилъ погони. Я углубился въ самую дикую часть Шварцвальдскихъ горъ. Шелъ оріентируясь по

звѣздамъ и компасу. Въ горахъ дорога идетъ извиваясь, большей частью по лощинамъ. Угадать, куда завернетъ дорога, невозможно. Мнѣ, допустимъ, нужно на югъ, а дорога начинаетъ заворачивать на западъ и даже на сѣверо-западъ. Приходится высчитывать, сколько времени я шелъ не по тому направленію, куда мнѣ нужно, и при выборѣ расходящихся въ разныя стороны дорогъ, все это принимать во вниманіе. Сильно сбивали дороги, теряющіяся въ лѣсу. Дорога превращается въ лѣсу въ тропинку, а тропинка прекращается. Приходится или возвращаться назадъ, или продолжать путь безъ дороги до нахожденія новой.

Здѣсь какой-то особый нюхъ всегда выводилъ меня на дорогу. Иногда по полчаса размышлялъ на распутьи въ лѣсу, куда идти. На четвертую ночь изъ-подъ моихъ ногъ выскакиваетъ дикій козелъ и начинаетъ кричать тѣмъ лаемъ, который я принималъ за лай полицейскихъ собакъ. Я посмѣялся надъ своимъ страхомъ и въ веселомъ расположеніи духа продолжалъ путь. Я былъ очень доволенъ, что измѣнилъ направленіе и пошелъ въ сторону Фрейбурга. Погоня, которая, по полученнымъ мною теперь свѣдѣніямъ, началась съ полицейскими собаками на утро послѣ побѣга шла по дорогамъ, ведущимъ въ Швейцарію, и измѣненіе маршрута меня спасло. Не встрѣчая погони, я воспрянулъ духомъ и любовался природою. Горы Шварцвальда очень красивы, онѣ всѣ покрыты могучимъ чернымъ лѣсомъ, и съ ихъ вершинъ свергаются десятки горныхъ ручейковъ и рѣчекъ. Пейзажи по временамъ были настолько захватывающими, въ особенности ночью при электрическомъ освѣщеніи городовъ и деревень, которые подобно звѣздамъ горѣли на горизонтѣ или разстилались у меня подъ ногами, что я, забывъ объ опасности и цѣли путешествія, долго по временамъ любовался окружающимъ. Природа была хороша, воздуху

такъ много, что его, кажется, должно было быть всѣмъ достаточно.

Одною изъ непріятныхъ сторонъ путешествія было прохожденіе ночью черезъ освѣщенные электричествомъ города и деревни. Они расположены въ лощинѣ; справа и слѣва ихъ горы; обойти, за рѣдкимъ исключеніемъ, нельзя. Приходилось тихонько босикомъ прокрадываться отъ дома къ дому мимо дремлющихъ нѣмецкихъ полицейскихъ. Нѣмецкая деревня засыпаетъ въ 9½ час. вечера, а около границы, по приказанію властей, ночью всякое движеніе по дорогамъ прекращается. Только однѣ собаки бодрствуютъ, да и тѣ послѣ 12 час. ночи тоже засыпаютъ,—правда, чуткимъ сномъ.

Начиная съ 4-го дня меня сильно мучилъ голодъ. Питаться приходилось одною водою. Мѣстами въ лѣсу попадались дикіе яблоки и орѣхи. На пятую ночь я рѣшилъ въ деревнѣ поискать чего-нибудь съѣстного и забрался въ нѣмецкую хату. Въ одной хатѣ, кромѣ спящихъ нѣмцевъ, ничего не нашелъ. Пошелъ въ другую, на дверяхъ которой было написано: „трактиръ". Здѣсь думалъ поживиться. Войдя въ трактиръ, на случай отступленія, я предусмотрительно раскрылъ окно. Шарилъ, шарилъ по стѣнамъ, пока не опрокинулъ полки съ посудой, которая со звономъ покатилась по всей комнатѣ. Въ сѣняхъ проснулись собаки и начали лаять. Я къ дверямъ, чтобы уйти, но въ дверяхъ появляется нѣмецъ. Я нырнулъ въ окно и попалъ на зубы собакъ. Если-бы не моя дубина, онѣ меня растерзали бы. Нѣмецъ началъ кричать и поднялъ всю деревню, преслѣдовалъ меня съ собаками, чуть ли не 2 версты. Послѣ этого у меня отняло охоту ходить ночью въ гости въ деревню. Рѣшилъ лучше голодать, чѣмъ рисковать своей свободою. Всѣ деревни приходилось проходить чуть не бѣгомъ, такъ какъ, если остановиться, то сразу набрасываются собаки.

Вообще, собаки были моимъ злѣйшимъ врагомъ.

Хорошо помню одну ночь. Какъ-то случайно я попалъ въ звѣринецъ. У воротъ собаки подняли лай. Проснувшійся лѣсничій принялъ навѣрняка меня за браконьера, такъ какъ чуть не цѣлую ночь преслѣдовалъ меня съ собаками. Другая встрѣча съ лѣсникомъ была у меня днемъ въ ущельи рѣки Вутаха, притока Рейна. Ночью я шелъ по горной тропинкѣ. Шелъ осторожно, нащупывая дорогу палкой. Въ одномъ мѣстѣ тропинка была завалена обваломъ. Обойти обвала не могъ. Мѣсто было опасное, внизу бурлила рѣка Вутахъ. Чтобы не упасть, я привязалъ себя къ дереву и прождалъ до утра. На разсвѣтѣ я осмотрѣлся, прошелъ обвалъ и пошелъ дальше. Вдругъ на тропинкѣ изъ-за угла скалы навстрѣчу мнѣ идетъ нѣмецкій лѣсникъ съ ружьемъ и собакою. Я сообразилъ, что бѣжать уже поздно и пошелъ ему навстрѣчу.

Онъ поздоровался и спросилъ меня, кто я такой. Я сказалъ, что я туристъ и мгновенно составилъ планъ дѣйствій: если лѣсникъ начнетъ снимать съ плеча ружье, то ему придется совершить воздушный полетъ, въ воды Вутаха. Въ рукахъ у меня дубина, а въ карманѣ наготовѣ перочинный ножикъ. Онъ, видно, сразу меня опредѣлилъ, кто я такой, но видя мою съ нимъ заносчивость, боялся меня трогать. Мы съ нимъ разошлись, наблюдая изподтишка другъ за другомъ.

Какъ только я потерялъ его изъ вида, я покинулъ тропинку и вскарабкался на гору. Въ тотъ же вечеръ спускаясь по веревкѣ съ горы, я попалъ на аллею лѣсной гостинницы. По аллеѣ гуляли шикарныя дамы, а я имъ какъ медвѣдь скатился съ горы на головы. Онѣ подняли крикъ, и это мнѣ стоило много волненія.

Мѣсто своего нахожденія первое время я опредѣлялъ по надписямъ на указателяхъ дорогъ. Такъ какъ

указатели дорогъ, въ особенности около городовъ, состоятъ изъ высокихъ желѣзныхъ столбовъ, то чтобы прочесть на нихъ надпись и не выдать своего присутствія, я залѣзалъ обыкновенно на столбъ, прикрывалъ, чтобы не видно было свѣта, доску съ надписями полою пальто, зажигалъ электрическій фонарикъ и читалъ надписи. Однажды ночью въ деревнѣ я залѣзъ на столбъ, въ это время нѣмка вышла изъ хаты посмотрѣть на звѣзды и, увидѣвъ меня на столбѣ, какъ сумасшедшая бросилась съ крикомъ въ хату. Собаки подняли лай. Толстый нѣмецъ выскочилъ и тоже испугался. Чтобы не смущать ихъ покоя, я скорѣе исчезъ. Съ приближеніемъ къ швейцарской границѣ указателей дорогъ не стало, а тѣ, которые были, только сбивали съ пути. Они, какъ потомъ объяснили мнѣ швейцарцы, показываютъ дорогу такимъ образомъ, что вмѣсто Швейцаріи, заводятъ васъ въ глубь Германіи. Въ началѣ они меня путали, но потомъ я больше довѣрялъ звѣздамъ, чѣмъ нѣмецкимъ столбамъ.

XVIII.

Голодъ и лихорадка.

Голодъ давалъ себя чувствовать все сильнѣе и сильнѣе. Физической работы было очень много. Отъ 8 часовъ вечера до 5—6 утра приходилось карабкаться по горамъ и лѣсамъ, находясь все время въ движеніи.

Питаться приходилось водою. И я ея выпилъ безконечно много. Не прошелъ мимо ни одного ручейка и колодца, чтобы не напиться воды и не освѣжить ею голову.

Днемъ въ лѣсу собиралъ дикіе яблоки и орѣхи,

а особенно непріятны были сладкіе яблоки, отъ которыхъ въ животѣ появлялись спазмы.

Не разъ я вспоминалъ популярнаго публициста, проповѣдовавшаго для возрожденія организма въ теченіе мѣсяца воздерживаться отъ пищи. Когда я это читалъ послѣ сытаго обѣда, то готовъ былъ вѣрить, въ возможность, но когда пришлось испытать на себѣ, то возроптalъ и автора этой идеи хотѣлъ-бы видѣть на своемъ мѣстѣ. Какъ и раньше, работая въ лагерѣ при фантастической обстановкѣ въ подземельяхъ, такъ и теперь въ пути въ головѣ моей проходили герои Майнъ-Рида, Жуля Верна, Пинкертона и др. Я сопоставлялъ, что они сдѣлали бы на моемъ мѣстѣ? Тутъ съ особою яркостью обрисовались мнѣ, какъ добывали себѣ пищу охотники на бизоновъ. Они догоняли бизоновъ, на лету разрѣзали кожу животныхъ и пили свѣжую кровь. Идея эта мнѣ не была противна. Около меня не было бизоновъ, но были нѣмецкія стада коровъ. Вооружившись перочиннымъ ножикомъ, я долго ползалъ около стада, выбирая свою жертву, пока пастухи не устроили на меня самого охоту и начали травить собаками. Уйдя отъ нихъ, я рѣшилъ продѣлать это ночью, но собаки и тутъ мнѣ помѣшали. Я готовъ былъ схватить собаку и на ней утолить свой голодъ, но она отъ меня увертывалась.

Поднялся гвалтъ, и пришлось уходить. Подъ конецъ голодъ настолько истощилъ меня, что я началъ слабѣть и у меня начались галлюцинаціи. Я видѣлъ своихъ товарищей, видѣлъ нѣмцевъ, которые на автомобилѣ привозили мнѣ кушанье. Два нѣмца, банкиръ и помѣщикъ, вступили между собою въ споръ. Помѣщикъ, на землѣ котораго я находился, хотѣлъ отдать меня, какъ преступника въ руки полиціи. Банкиръ доказывалъ, что меня надо пожалѣть и чтобы спасти меня, купилъ у помѣщика землю, на которой я нахо-

дился и объявилъ эту землю нейтральною... потомъ земля эта превратилась въ Швейцарію, кругомъ которой ходятъ нѣмцы и не смѣютъ меня трогать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, у меня гдѣ-то таилось сознаніе, что я одинъ ночью нахожусь въ лѣсу, и что мнѣ нужно идти въ Швейцарію. Галлюцинаціи эти сильно меня мучили отъ 5 до 11 час. утра, когда я прекращалъ движеніе. Вообще, эти часы были для меня самыми непріятными. Идти нельзя, на дорогахъ движеніе. Въ продолженіе 10 дней шелъ дождь. За это время я ни разу не высыхалъ. Утро холодное. Меня разбираетъ такая сильная лихорадка, что я не въ состояніи удержать не только зубовъ, но и рукъ и ногъ. Они у меня пляшутъ, какъ у святого Вита. Я обыкновенно покорно отдавалъ себя во власть лихорадки, которая промучивъ меня нѣсколько часовъ, ослабѣвала, и тогда начинало сильно клонить ко сну. Но засыпать было очень опасно. По лѣсу ходили дровосѣки. Огромнаго напряженія воли стоило мнѣ, чтобы не заснуть. Я щипалъ себя, придумывалъ особыя опасности, чтобы только не заснуть. Впослѣдствіи я самъ удивлялся, что въ продолженіе 10 дней я могъ не спать. Правда, я дремалъ, но глаза у меня все видѣли и уши все слышали. Малѣйшій шорохъ, и я уже былъ начеку.

Дни я проводилъ въ лѣсу, большей частью зацѣпившись за деревья надъ какимъ-нибудь обрывомъ и, чтобы не упасть, привязывалъ себя къ дереву. Однажды на день я сдѣлалъ въ кустахъ изъ вѣтвей берлогу и лежу. Приходятъ дровосѣки рубить деревья. Деревья начинаютъ рубить очень близко отъ меня. Я наблюдаю изъ-подъ вѣтвей, въ какую сторону они повалятъ дерево, чтобы оно не придавило меня. Я сижу въ кустахъ и молю Бога, чтобы дерево не зацѣпило меня.

Раздался трескъ, я чуть не выскочилъ изъ своихъ кустовъ. Но все обошлось благополучно.

Вообще, я принималъ всѣ мѣры предосторожности и строго придерживался правила, ни съ кѣмъ не разговаривать и никому не показываться.

Пройдя изъ большихъ городовъ Нейштадтъ, С-нъ Блазіенъ и много мелкихъ я подошелъ къ рѣкѣ Рейну у гор. Вальдсгута. За рѣкою Швейцарія, но преодолѣть Рейнъ не легко. Мосты заняты постами.

Хотѣлъ найти лодку, но у деревень очень чуткія собаки. Я былъ настолько утомленъ, что не рѣшился пуститься вплавь и направился на сѣверо-востокъ, искать сухопутной границы. Пройдя еще двѣ ночи, отъ утомленія я не могъ уже оріентироваться и пересталъ понимать компасъ. Полярная звѣзда указываетъ сѣверъ въ одномъ направленіи, а компасъ въ противоположномъ. Я не зналъ, кому вѣрить, и шелъ по дорогѣ прямо передъ собою. Разыскивая что-нибудь съѣстное, я забрелъ въ огородъ и здѣсь нашелъ очень хорошія рѣпы. Они меня подкрѣпили, и я сталъ бодрѣе. Съ собою захватилъ пять рѣпъ. Ниже на горизонтѣ—освѣщенный электричествомъ городъ; я пошелъ къ нему, надѣясь здѣсь оріентироваться, гдѣ я нахожусь.

Крадучись прошелъ я городъ. Дальше идутъ заводы. Дорога расходится въ три стороны. Ночь темная, идетъ дождь. На перекресткѣ дорогъ я нащупалъ указатель дорогъ—желѣзный столбъ и попрежнему опыту рѣшилъ забраться на него, чтобы, накинувъ пальто, посвѣтить и прочесть надписи. Я тихонько забрался на столбъ, накинулъ на доску пальто и достаю изъ кармана фонарь. Вдругъ я вижу, что внизу у столба кто-то шевелится, какой-то человѣкъ на цыпочкахъ идетъ пригибаясь и присматриваясь ко мнѣ. Я начинаю различать на его плечѣ бѣлый штыкъ и на головѣ каску. Сомнѣнія нѣтъ, подо мною находится ландштурмистъ. Я замеръ и не шевелюсь, обдумывая, что дѣлать. Я хотѣлъ прыгнуть ему на шею, но боялся

попасть на штыкъ. Ландштурмистъ испуганно всматривается въ меня, видно, не понимая, кто на столбѣ. Столбъ высокъ. Видя его боязнь, я рѣшилъ использовать психологическій моментъ, испугать его еще больше и, воспользовавшись его замѣшательствомъ, бѣжать. Неожиданно я зажегъ электрическій фонарь ему прямо въ лицо и закричалъ страшнымъ голосомъ. Ландштурмистъ отскочилъ отъ столба и, убѣгая, вызываетъ караулъ. Я бросился въ темноту и легъ въ шоссейную канаву. Прибѣжалъ караулъ, и начали меня искать.

По шоссе пустили двухъ велосипедистовъ. Я выждалъ ихъ возвращенія и пошелъ дальше. По надписи на столбѣ, а главнымъ образомъ по ландштурмисту и теченію рѣки я опредѣлилъ, что нахожусь на самой границѣ Швейцаріи. Достаточно пройти рѣку, взойти на гору, и я буду въ Швейцаріи. Осмотрѣвъ на рѣкѣ мосты, я убѣдился, что они заняты часовыми, и вдоль рѣки ходятъ дозоры съ собаками. Оставаться на день въ такой близости отъ границы было опасно, да и путешествіе свое надо было кончать, такъ какъ силы меня покидали. Я рѣшилъ обязательно въ эту ночь перейти границу. Оставался одинъ выборъ—переплыть рѣку. Она была не широкая, но имѣла страшное паденіе воды, отъ котораго дрожала земля. Это была рѣка Вутахъ—(Бѣшенная) притокъ Рейна. Я ее встрѣтилъ здѣсь третій разъ.

Пришлось рѣшиться, Я снялъ съ себя всю одежду, связалъ ее веревками въ узелокъ, веревку разложилъ кругомъ по берегу, конецъ обвязалъ вокругъ туловища. Со мною были только браслетъ-компасъ и часы. Мысленно я отдалъ себя на волю Бога и бросился въ воды Бѣшенной (Вутахъ) рѣки.

Ледяная вода подхватила и понесла меня, сопротивляться теченію я былъ не въ состояніи, и старался

только удержаться на поверхности воды. Почти окоченѣлый я зацѣпился за кусты противоположнаго берега и съ трудомъ, оцарапавъ себя о камни, вылѣзъ изъ воды. По веревкѣ я притащилъ одежду, выжалъ ее и отдохнувъ началъ искать тропинки, чтобы вползти на гору. У меня были свѣдѣнія (ложныя), что Швейцарская граница обведена колючею проволокою съ электрическимъ токомъ. Я ползъ осторожно, держа передъ собою палку, чтобы нащупать проволоку и не коснуться ея руками. Но проволоки нигдѣ не нашелъ. Тутъ я сообразилъ, что такъ какъ окраина границы ведется по рѣкѣ, то нѣтъ смысла на склонѣ дикой горы ставить еще проволоку. Найдя тропинку, къ утру я, совершенно утомленный, былъ на вершинѣ горы. Здѣсь я встрѣтилъ, каменные столбы, указывающіе границу лѣса. На столбахъ были нѣмецкія надписи латинскимъ шрифтомъ. Въ Германіи такихъ столбовъ я не встрѣчалъ, а надписи тамъ сдѣланы готическимъ шрифтомъ. Я окончательно опредѣлилъ, что нахожусь въ Швейцаріи

XIX.

Швейцарія!

Я не захотѣлъ нести дальше съ собою нѣмецкія рѣпы и рѣшилъ вернуть ихъ Германіи. По одной опускалъ я рѣпу съ горы и прислушивался, пока она не докатится до водъ Вутаха. Тогда пускалъ другую рѣпу. Въ 2-хъ киллометрахъ красовалась швейцарская деревушка, но дойти до нея у меня не было силъ. Проходящій швейцарецъ помогъ мнѣ дойти до деревни Шлетгеймъ въ кантонѣ Шафгаузенъ.

Въ деревнѣ направили меня въ гостинницу. Я взялъ въ гостинницѣ номеръ, снялъ съ себя всю грязную

одежду, отдалъ ее мыть, а самъ легъ въ постель. Мнѣ принесли бѣлье. Я попросилъ ѣсть. На пуховикѣ въ кровати накрыли скатерть и подали кофе съ бутербродами и другія закуски. Настоящій бѣлый хлѣбъ, котораго я почти цѣлый годъ не ѣлъ. Лежа подъ пуховикомъ, на которомъ разложены различныя явства, я былъ на верху блаженства. Съѣвъ одинъ обѣдъ, я попросилъ второй. Принесла сама хозяйка гостинницы. Я все жду, когда начнутъ распрашивать, кто я такой. Наконецъ, приходитъ самъ хозяинъ гостинницы и приноситъ книгу расписаться.—Я заполнилъ требуемыя графы вопросовъ, записалъ свою фамилію; наконецъ графа: „откуда пріѣхалъ“. Не долго думая, я написалъ по-нѣмецки „путешественникъ“ и отдалъ книгу хозяину, послѣдній прочелъ и, ни слова не сказавъ, ушелъ. Я жду, что будетъ дальше. Вечеромъ раздается стукъ въ дверь, и въ комнату входитъ швейцарскій жандармъ. Я лежу въ постели. Онъ вѣжливо задаетъ мнѣ вопросъ, что хотѣлъ бы получить отъ меня нѣкоторыя разъясненія.

— „Вы въ книгѣ написали, что вы путешественникъ, вы вполнѣ меня понимаете, теперь такое время, граница закрыта. Позвольте васъ спросить, откуда вы путешествуете и куда“?

Я безпомощно лежалъ въ постели. Видя любезное отношеніе жандарма, я рѣшилъ сказать ему всю правду. Я сказалъ, что я русскій офицеръ и бѣжалъ изъ германскаго плѣна. Услышавъ, что я офицеръ, онъ взялъ руку подъ козырекъ и сталъ отмѣнно вѣжливъ. Онъ попросилъ, нѣтъ ли у меня чего-нибудь, доказывающаго мое офицерское званіе. У меня кромѣ русскаго индивидуальнаго пакета для перевязокъ и свидѣтельства о раненіи ничего не было. Меня очень удивило, что онъ удовлетворился этими документами и объявилъ мнѣ, что не имѣетъ права

меня задерживать, что онъ восхищенъ и преклоняется передъ русскимъ офицеромъ и, наговоривъ тысячу любезностей, ушелъ. Тутъ я впервые оцѣнилъ Швейцарію, которая съ начала европейской бури дала у себя пріютъ десяткамъ тысячъ различныхъ бѣглецовъ.

Вечеромъ граждане этой деревни собрались въ залѣ гостинницы и попросили меня выйти къ нимъ и подѣлиться своими впечатлѣніями о плѣнѣ и о Германіи. Въ числѣ ихъ былъ и жандармъ, который меня допрашивалъ. Отъ нихъ я впервые узналъ, что потомъ подтвердилось и въ швейцарскихъ газетахъ, что всѣ мои товарищи по побѣгу захвачены. Нѣкоторые взяты при самомъ переходѣ Швейцарской границы. Если бы не это печальное извѣстіе, то вечеръ, провѣденный мною среди швейцарскихъ крестьянъ, былъ бы однимъ изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній моей жизни. На слѣдующее утро они вызвались проводить меня до желѣзнодорожной станціи Шафгаузенъ. Это было какъ разъ кстати, потому что у меня былъ настолько страшный внѣшній видъ, что достаточно мнѣ было появиться на станціи, какъ за мною по пятамъ начали ходить полицейскіе. Но нѣсколько словъ сопровождавшихъ меня швейцарцевъ, и меня оставили въ покоѣ. Я сѣлъ въ поѣздъ и, нигдѣ не выходя, съ $1^1/_2$-ра франками въ карманѣ пріѣхалъ въ Бернъ—столицу Швейцаріи.

Только на станціи Винтертуръ, увидѣвъ въ кіоскѣ русскую газету, я не утерпѣлъ и вышелъ изъ вагона, чтобы ее купить. У кіоска меня обступила толпа и начала спрашивать, не плѣнный ли я? Какъ будто это у меня на лбу было написано. Не купивъ газеты, я скорѣе забрался въ вагонъ и до самаго Берна не выходилъ. Въ Бернѣ, не смотря на мой костюмъ лѣсного бродяги, меня сразу признали за русскаго офицера и я былъ сердечно принятъ всей русской миссіей и въ

особенности военнымъ агентомъ, семья котораго приняла меня, какъ родного.

Они уже давно ждали моего появленія; конечно, ждали не меня лично, а ждали вообще русскаго офицера, высвободившагося изъ плѣна. Къ нимъ приходили солдаты, а офицеровъ не было. Оправдать ихъ надежду на посѣщеніе ихъ русскимъ офицеромъ,—это счастье выпало на мою долю. Я оказался первымъ русскимъ офицеромъ, который послѣ побѣга проѣхалъ Швейцарію, Францію, Грецію и Сербію.

20-го сентября я достигъ давно желанной мечты. Съ командою 34 нижнихъ чиновъ, также бѣжавшихъ изъ германскаго и австрійскаго плѣна, я пріѣхалъ въ Россію.

Только благодаря моему занятію спортомъ и, въ особенности, всестороннему физическому развитію и тренировкѣ, которую я получилъ въ главной офицерской фехтовально-гимнастической школѣ, я въ состояніи былъ при чрезвычайныхъ условіяхъ 8 мѣсяцевъ работать надъ подкопами, подъ землею на глубинѣ сажени провести Рождество, Новый Годъ и Пасху, отбиться отъ велосипедистовъ и въ теченіе 10 ночей, почти безъ пищи, пройти около 270 верстъ.

КОТЛЯКЕВСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе	5
I. Плѣненіе	7
II. Въ пути	12
III. Въ плѣну (Нейссе)	17
IV. Плѣнные или рабы?!	27
V. Островъ Дэнгольмъ	29
VI. Подготовленія къ побѣгу	32
VII. Первая попытка	35
VIII. Въ Виллингенѣ	39
IX. За работу	44
X. Подкопъ	46
XI. Подкопъ № 2	52
XII. Неудача	56
XIII. Снова за работу	64
XIV. Въ старомъ тоннелѣ	71
XV. Послѣднія усилія	78
XVI. Побѣгъ	87
XVII. Погоня	90
XVIII. Голодъ и лихорадка	98
XIX. Швейцарія!	103

Изданія состоящаго подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА покровительствомъ СКОБЕЛЕВСКАГО КОМИТЕТА для выдачи пособій потерявшимъ на войнѣ способность къ труду воинамъ.

Петроградъ, Мытнинская ул., 27.

---

1. Большой стѣнной портретъ **Е. И. В. ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА**, исполненный особымъ способомъ, такъ называемой—„глубокой печати“,—дающей эффектъ лучшей дорогостоющей гравюры. Экз. . . . . Цѣна 3 р.

2. Портретъ съ собственноручною подписью **Е. И. В. Великаго Кн. Николая Николаевича**, размѣромъ 25×16 см., исполненный по способу „глубокой печати“ и наклеенный на плотную альбомную бумагу . . . . . Цѣна 75 к.

3. Репродукція въ краскахъ съ картины, сост. собственность Его Императорскаго Величества ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА: **„Единеніе Царя съ народомъ“** . . . . . Цѣна 2 р.

Исключительное право репродукціи этой картины принадлежитъ Скобелевскому Комитету.

Великая Русь въ борьбѣ съ нѣмцами. На память русскому народу. Ѳ. Ѳ. Скворцовъ. . . . . Цѣна 40 к.

Бѣлый генералъ“—М. Д. Скобелевъ.—Въ народныхъ сказаніяхъ со снимками съ народныхъ лубочныхъ картинъ. Л. В. Евдокимовъ. Изданіе 2-е . . . . . Цѣна 40 к.

„Священный стягъ“. Сборникъ новыхъ стихотвореній на сюжеты текущихъ военныхъ событій. Дмитрія Цензора. Изданіе 2-е дополненное . . . . . Цѣна 75 к.

„Поклонъ героямъ“. Стихи Изабеллы Гриневской. 1915 г. . Ц. 60 к.

„Отзвуки войны“. Сборникъ стихотвореній А. К. Съ предисловіемъ автора и приложеніемъ стихотвореній М. Конопницкой: „Къ границѣ“. 1915 г. . . . . Цѣна 60 к.

„Зарницы войны“. Е. Руссатъ. Повѣсти, разсказы и наброски съ театра военныхъ дѣйствій . . . . . Цѣна 1 р. 25 к.

„Впередъ смѣлѣе“. Сборникъ стихотвореній на сюжеты текущихъ военныхъ событій Е. Хмельницкой . . . . . Цѣна 60 к.

„Гадины тыла“. Н. Н. Брешко-Брешковскій . . . . Цѣна 1 р. 50 к.

„Мирные завоеватели“. Маркъ Чертвань. . . . . Цѣна 35 к.

„Пѣсни о нѣмцахъ и туркахъ“. В. М. Голиковъ (Wega) . . . . . Цѣна 1 р. 25 к.

„Шпіонъ“ по мемуарамъ нѣмецкаго шпіона. Переводъ Е. Руссатъ . . . . . Цѣна 1 р.

„Капля крови“ А. Липецкій. . . . . Цѣна 1 р.

Еще пѣсни про войну А. Арсиковъ-Суринъ. . . . . Цѣна 25 к.

В. Б. Фоминъ. Среди культурныхъ варваровъ. 14 мѣсяцевъ въ германскомъ плѣну. . . . . . Цѣна 1 р.

8

Руководство къ постройкѣ обмундированія и снаряженія для нижнихъ чиновъ всѣхъ казачьихъ войскъ, кромѣ кавказскихъ и гвардейскихъ казачьихъ частей. Составилъ И. Тонконоговъ. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное . . Цѣна 1 р. 65 к.

Печатаются и въ скоромъ времени выйдутъ въ свѣтъ:

1. **Наши казаки въ великой борьбѣ народовъ.** 2 тома. Собралъ И. Тонконоговъ. . . . . Цѣна тома 1 р.

2. **Сборникъ разсказовъ участниковъ и военныхъ корреспондентовъ 2-й отечественной войны.** Книга для народнаго и солдатскаго чтенія и ротныхъ собесѣдованій. Собралъ И. Тонконоговъ. . . . . Цѣна 1 р. 25 к.

3. Повѣсти и разсказы изъ народной жизни и военнаго быта Второй Отечественной войны, сочин. извѣстныхъ русскихъ литераторовъ: Брешко-Брешковскаго, Ап. Коринфскаго, А. Рославлева, А. Ремизова, В. Муйжеля, Будищева, Шишкова, Снѣгиной, Карпова, Слезкина и др. авторовъ, а также переводная статья изъ Мопассана и др. Всего 36 книгъ . . . . . Цѣна 3 р. 60 к.

„Казачья пѣсня." Слова Агнивцева. Музыка Ю. Р. Кельберга . . . . . Цѣна 40 к.

Побѣдный маршъ. Слова Е. Хмельницкой, музыка Ростроповича . . . . . Цѣна 50 к.

ОТКРЫТЫЯ ПИСЬМА.

На прекрасной мѣловой крашенной бумагѣ, отпечатанныя въ краскахъ, съ акварелей извѣстныхъ художниковъ, на современныя военныя темы, новогоднія, патріотическія и т. д. . . . . .

Отпечатанныя способомъ „Дуплексъ", съ фотографій съ фронта: **Е. И. В. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ** въ дѣйствующей арміи; боевые эпизоды на сушѣ и на морѣ и т. д.

Отпечатанныя особымъ способомъ, такъ называемой „глубокой печатью", по фотоэтюдамъ и спеціальнымъ рисункамъ извѣстныхъ художниковъ на современныя темы, праздничныя и др. сюжеты.

Всегда имѣются новинки

по 10 коп. штука. Около 50 различныхъ сюжетовъ.

P. S. Прошлогднія открытки—до 80 сюжетовъ—разошлись полностью и возобновляться не будутъ.

Почтовая бумага и конверты въ коробкахъ **„Три флага согласія"** коробка . . . . . Цѣна 2 р. 50 к.

Заказы Комитетомъ исполняются отъ 50 коп.

При требованіяхъ не менѣе чѣмъ на сумму 2 р. 50 к. пересылка за счетъ Комитета.

Тип Имп Ник воен. акад. Петроградъ. Суворовскій пр., 32-б.